

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

ЗАМОК НА
ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ

Евгения Грановская
Антон Грановский
Замок на Воробьевых горах
Серия «Марго Ленская и
дьякон Андрей Берсенеv»
Серия «Под завесой
мистических тайн», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6742797

Грановская Е. Замок на Воробьевых горах : роман: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64489-6

Аннотация

Страшная автокатастрофа чуть не перечеркнула всю жизнь Марии Варламовой, но молодая женщина выстояла, хотя и осталась инвалидом. После катастрофы у Марии открылся дар – ей являлись видения, которыми она могла управлять, переносясь в другую реальность, в чужую жизнь. И она стала пользоваться им – помогать людям в ситуациях, когда событиям невозможно найти реальное объяснение...

Новая клиентка обратилась к Варламовой с просьбой доказать – самоубийство ее сына Коли, талантливого студента МГУ,

было на самом деле убийством. Все уверяли несчастную мать, что она ошибается, и женщина попросила Варламову воспользоваться своими способностями. Мария устроилась в университет вести спецкурс в группе, где учился Коля, и даже поселилась в общежитии, расположенном в знаменитой высотке на Воробьевых горах. Не успела она начать расследование, как ее стали посещать жуткие видения...

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	12
3	15
4	25
Глава 2	30
1	30
2	36
3	39
4	48
5	60
6	63
7	73
8	81
9	87
10	93
11	99
Глава 3	105
1	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Евгения и Антон Грановские Замок на Воробьевых горах

Этот роман является художественным произведением. События, имена, название факультета университета – вымышленные. Все совпадения случайны.

Старое здание бурого цвета, пристанище боли...
Томас Харрис

© Грановская Е., Грановский А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо, 2013

Глава 1

1

Мария шла по узкому каменному коридору, вслушиваясь в шорохи... Где-то капала вода. В памяти возникли слова старой, полузабытой песни:

Поворот. Коридор. Эхо мечется в сводах
И дробится в пролетах...
Отче, давший мне душу,
Отпусти мое тело на волю!..
Впрочем, воля Твоя...

Отче? Похоже, в это место он даже не заглядывал.

Пряча за усмешкой страх, Мария двинулась дальше. В центре коридора скопилась вода. Мария переступила через лужицу и двинулась дальше. Воздух был сырой и затхлый. Помимо сырости, пахло живым существом. Да, тьма, вне всякого сомнения, была живой. Казалось, все вокруг пронизано некими вибрациями. По коже Марии пробежали мурашки.

На одной из стен тускло светились буквы граффити, нарисованные флуоресцентной краской:

ЖИВУ В ПАДВАЛЕ ОБРАЗ ТВОЙ ХРАНЯ ИСУС ПРИДИ И ЗАБИРИ МИНЯ!

Раздался страшный, угрожающий звук. Рядом никого не было, но Мария слышала – рычит собака. Может быть, при-таилась сзади? Мария стала медленно поворачиваться. Было очень темно, но это не помешало ей увидеть смутные очертания огромного пса.

Зверь угрюмо смотрел на Марию мерцающими во тьме глазами. Шерсть на загривке хищника встала дыбом, из пасти вырвалось глухое рычание. Даже через разделявшие их два метра Мария ощущала исходящий изо рта животного мерзкий запах.

– Тихо, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и не дрожал. – Я тебя не трону.

Подождав немного, осторожно двинулась дальше, с опаской поглядывая на зверя. Мерцающие глаза продолжали пристально следить за ней. Круглая голова медленно поворачивалась. За окном сверкнула молния, и в ее неверном свете Мария увидела, что глаза зверя затянуты мутной пленкой. Пес был слеп.

– Хорошая собачка... – пробормотала Мария осипшим голосом.

Свернув за угол, она попала в относительно светлую часть коридора. На каменных, замшелых стенах замка догорали берестяные факелы. Их тусклого света едва хватало на то, чтобы осветить часть стен и пол.

Мария слышала в отдалении чьи-то голоса. Сердце ее забилось быстрее, она на несколько секунд остановилась, чтобы перевести дыхание и успокоиться.

«Спокойно, – сказала она себе. – С тобой ничего не случится. Ты ведь помнишь, что все это – лишь сон, не правда ли?»

Утешение подействовало слабо.

По ногам потянуло сквозняком. Мария опустила взгляд и только сейчас увидела, что ноги ее босы. Едва она осознала это, как тут же по ее ступням к бедрам и паху поднялся мертвенный холод, заставив Марию содрогнуться и зябко повести плечами.

Факелы на стенах догорали. Еще немного – потухнут совсем. И тогда надежды найти девочку не останется. Да и самой ей уже отсюда не выбраться: в темноте дорогу назад не отыскать.

– Помогите, – донесся до слуха Марии сдавленный, слабый голос. – Помогите мне...

Похоже, это она.

Мария двинулась на голос и еще издали увидела черную дыру погребца. А прежде чем увидеть, почуяла прохладное, гнилостное дыхание земли.

Мария встала на колени перед дырой и осторожно заглянула вниз. Темнота была настолько плотная, что она ничего не увидела. Но девочка явно внизу.

– Пожалуйста... – позвал ее снизу детский голос. – Спа-

сите меня.

Мария вцепилась пальцами в осклизлые каменные края дыры и вгляделась во мрак.

– Ты цела? – спросила она.

– Спасите меня...

– Потерпи еще немного. За тобой придут.

Мария отшатнулась от дыры и поднялась на ноги.

– Пожалуйста, не уходите! – крикнула снизу девочка.

Мария вздрогнула и быстро огляделась. Потом слегка наклонилась над дырой и сказала:

– Перестань кричать. Я уйду, но вернусь с подмогой.

– Не уходите! Пожалуйста, не уходите! Он убьет меня!

– Кто – он? Ты знаешь, как его зовут?

– Его зовут Тусклый. Но, думаю, что это не настоящее его имя.

– Ты видела его лицо?

– Нет. Он носит маску. Вы спасете меня?

– Все будет хорошо.

– Не бросайте меня...

Девочка внизу заплакала, но Марию ее слезы не остановили. Она повернулась и двинулась обратно. Перед тем местом, где встретила зверя, Мария замедлила шаг. Что, если пес все-таки бросится?

Зверь стоял там же и, заведя Марию, снова глухо зарычал. Он почувствовал ее страх. Если ей не удастся взять себя в руки, тварь бросится на нее и разорвет на куски.

Мария зажмурила глаза и мысленно досчитала до десяти. «Главное – не бояться, – сказала себе она. – Не бояться и не оглядываться. Скоро я проснусь, и все будет хорошо».

Она снова открыла глаза. Проговорила жестко, сжав кулаки:

– Пошла прочь, тварь. Прочь, пока я не свернула тебе шею!

И двинулась на зверя. Тот заскулил, попятился назад.

– Вот так, – властно проговорила Мария.

Она прошла через черный холл и вышла на улицу.

Во дворе горел костер. Перед костром, на большом круглом камне, сидела, сгорбившись и закутавшись в плащ, человеческая фигура. Было ясно, что это мужчина, но лица его Мария не разглядела.

«Он меня не видит, – сказала она себе. – Не должен видеть. Это – мой сон, и законы здесь устанавливаю я».

Затем бесстрашно двинулась дальше.

Человек у костра насторожился. Секунду прислушивался к тишине, затем медленно повернул голову в ее сторону. Мария остановилась и прижалась спиной к каменной кладке стены.

– Кто здесь? – хрипло спросил мужчина, вглядываясь в темноту.

Что-то хрустнуло под ногой Марии, и сердце ее обмерло. Мужчина еще несколько секунд вслушивался, затем снова повернулся к костру и продолжил смотреть на огонь.

«Он меня не слышит», – поняла Мария.

Подошла к калитке и обернулась, чтобы взглянуть на табличку, прибитую к каменной стене. Теперь она знала адрес.

Мария открыла глаза. Сидевший напротив нее лысоватый, стареющий мужчина сдвинул брови.

– Наконец-то вы проснулись. Как вы себя чувствуете?

– Паршиво, – ответила Мария, шевельнула руками и поморщилась от боли – руки, лежавшие на подлокотниках кресла, затекли.

– У вас кровь, – сказал мужчина.

– Да, я знаю.

Она взяла со стола платок, обмакнула его в тарелку с холодной водой и приложила к носу. Все как всегда. Когда-нибудь эта работа убьет ее. Но, скорее всего, еще не скоро.

Сидевший рядом с лысоватым мужчиной импозантный красавец в дорогом костюме хрипло спросил:

– Вы что-нибудь видели?

Мария перевела взгляд на него и сказала:

– Ваша дочь жива.

Мужчина облегченно вздохнул, но тут же снова подался вперед, взволнованно спросил:

– Где она? Где моя дочь?

Мария отняла платок от носа и взглянула на алые пятна крови.

– Ее держат в погребе, в заброшенном доме, – ответила она. – Номер дома я рассмотреть не успела, но название ули-

цы помню – проспект Лермонтова. В Москве осталось не так много частных домов, и найти его будет несложно. Человек, который ее похитил, называет себя Тусклый. Поищите по картотеке; может быть, что-нибудь найдете.

Лысоватый мужчина достал из кармана мобильный телефон и быстро набрал номер.

– Алло, Витя... Майор Самарин беспокоит... Срочно вышлай группу на проспект Лермонтова. Нам нужен частный дом, номер неизвестен. Повтори... Да, все верно. И напруги Борисова – пусть поищет в базе данных человека по кличке Тусклый. Ну, и производные от этого... Да... Да, именно так.

Пока майор Самарин говорил по телефону, отец девочки смотрел на Марию.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Паршиво, – повторила Мария. – Но знание о том, что вы хорошо мне заплатите, поможет справиться с недомоганием.

– Если мою дочь найдут, я – ваш вечный должник, госпожа Варламова, – тихо сказал мужчина.

Майор Самарин отключил связь и убрал телефон в карман.

– Группа выезжает, – сообщил он. – Мария Степановна, хотите поехать с нами?

Она отрицательно покачала коротко стриженной головой:

– Нет. Мне там делать нечего.

Мужчины поднялись с дивана. Мария осталась в кресле. Она никогда не провожала гостей до двери. Слишком хло-

потно и долго.

Когда дверь в прихожей хлопнула, Мария вздохнула и откинулась на спинку кресла. На лице ее появилась болезненная гримаса. Теперь она могла быть сама собой. Старейшей тридцатичетырехлетней женщиной, испытывающей почти беспрестанные боли.

Взгляд Марии скользнул по костяному набалдашнику трости, торчащему над подлокотником кресла, затем двинулся дальше и остановился на старом трельяже. Из зеркала на нее смотрела худощавая, бледная женщина. Короткая «мальчишья» стрижка. Непропорциональное лицо. Сухие губы. Ни один мужчина на свете не нашел бы это лицо привлекательным.

Мария отвернулась от зеркала и протянула руку за сигаретами и зажигалкой.

Неделю спустя

– Проходите, – сказала Мария и посторонилась, впуская гостью в прихожую.

Та вошла и остановилась в нерешительности. Это была пожилая, почти старая, женщина, одетая в серое пальто устаревшего фасона и довольно нелепую черную шляпку.

– Вы пришли на пятнадцать минут раньше, – недовольно проговорила Мария.

– Правда? – Женщина смущенно улыбнулась. – Простите...

– Ничего страшного, но вам придется немного подождать. Раздевайтесь и проходите в комнату.

Не дожидаясь, пока гостья выполнит ее указания, Мария повернулась и, тяжело опираясь на трость, двинулась в сторону ванной.

Там она закрыла за собой дверь, защелкнула задвижку и повернулась к стеклянной полочке. Подрагивающими пальцами взяла с полки маленький шприц... Игла мягко вошла в голубоватую вену, и Мария блаженно прикрыла глаза. Ну вот, через несколько минут боль отпустит.

Когда она вошла в гостиную, гостья стояла у окна и смотрела на серые облака. Несмотря на пожилой возраст, она сумела сохранить стройность. Услышав постукивание трости

о паркетный пол, женщина повернулась. На ее губах появилась неуверенная полуулыбка.

– Меня зовут Ольга Николаевна Сабурова, – представилась она. – Как мне называть вас?

– Мария.

– Хорошо.

– Садитесь на диван.

– Благодарю вас.

Гостья прошла к дивану. Сама Мария тяжело опустилась в кресло. Боль в покалеченной ноге стала меньше, но движения остались неуклюжими.

Женщина взглянула на старую театральную афишу, припиленную к стене кнопками. На ней была изображена молодая девушка в светлом платье с кринолином. Над головой она держала такой же светлый зонтик.

– Это вы? – удивленно спросила Ольга Николаевна.

Мария кивнул:

– Да.

– Вы были симпатичной девушкой.

– Некоторые считают, что я и сейчас ничего.

– Да... – смущенно проговорила женщина. – Да, конечно. Я просто не так выразилась.

– Не извиняйтесь. Я пошутила. Я прекрасно знаю, как выгляжу. – Мария вставила в губы сигарету. – Простите, что не предлагаю вам чай и кофе. Я несколько дней болела, и у меня не было возможности выбраться в магазин.

Женщина взглянула на нее тревожно.

– Вам уже легче? – спросила она.

– Я почти здорова, – ответила Мария.

Зажигалка сухо щелкнула в ее худых, бледных пальцах.

Мария помахала рукой, отгоняя от лица дым, и сказала:

– Слушаю вас.

– Я пришла к вам из-за сына, – начала женщина.

– Что с ним?

– Он умер.

– Сочувствую.

– Мой мальчик сгорел. Ему было двадцать лет, и Коля научился сидеть, он был гением, прикованным к инвалидному креслу. Сын учился в университете, жил там в общежитии.

– Вот как... – неопределенно проговорила Мария.

Глубоко затянулась и выпустила облако сизого дыма. Взглянула сквозь него на посетительницу и спросила: – Милиция, конечно же, уже провела расследование?

– Да.

– И к каким вы выводам пришла?

– Они сказали, что Коля... – Голос женщины дрогнул и, чтобы закончить фразу, ей пришлось сделать под собой усилие. – Сказали, что он сам облил себя бензином и поджег.

– Такое случается, – вздохнула Мария.

– Да, такое случается, – согласилась женщина. – Но только не с моим Колей.

Мария стряхнула с сигареты пепел и снова взглянула на

женщину. Еще одна безутешная мать. Еще одна человеческая трагедия. Мария прислушалась к себе, пытаясь определить, волнует ли ее это?... Нет, ее это не волновало, что она отметила без всякого удивления. Слишком много человеческих трагедий прошло у нее перед глазами за последние пять лет.

– Ваш сын уже умер, – сказала Мария негромко. – Зачем нужно ворошить прошлое?

– Я не верю, что он покончил жизнь самоубийством. Он бы никогда на такое не пошел.

Мария пожала острыми плечами:

– Чужая душа – потемки.

– Если бы вы его знали, вы бы так не говорили! – слегка повысила голос Ольга Николаевна.

Мария сдвинула брови.

– Я не хотела быть грубой, – заметила она. – Возможно, вас неправильно информировали. Ко мне приходят, чтобы найти пропавших людей. Ваш сын мертв, и это официально признано. Не понимаю, чем я могу помочь?

Сабурова вынула из сумочки платок, промокнула глаза, взглянула на Марию и сказала:

– Я хочу, чтобы вы доказали, что мой Коля – не самоубийца.

Губы Марии дрогнули. Опять ее принимают не за ту, кто она есть.

– Ольга Николаевна, – начала она мягко, – я не милици-

онер и не частный сыщик. Тому, чем я занимаюсь, нет названия. Я вижу сны. Иногда мне везет, и в своих снах я вижу пропавших людей. Только и всего. Я не путешествую в загробный мир. Если вы думаете, что я могу встретиться с вашим умершим сыном и поговорить с ним...

– Десять тысяч долларов, – четко произнесла Сабурова.

Мария замерла с открытым ртом.

– Что? – переспросила она.

– Я заплачу вам десять тысяч долларов, если вы узнаете, как и почему погиб мой сын.

Мария закрыла рот, нахмурилась и внимательно посмотрела на гостью.

– Вы не похожи на миллионершу, – обронила она.

Женщина вяло и безрадостно улыбнулась.

– Я не миллионерша. Деньги мы с мужем копили на учебу Коли. Теперь Коли нет.

– Да, но... – Мария дернула плечами. – Ведь еще не конец света. Вы можете потратить их на что-нибудь более...

– Мой сын сгорел, – перебила гостя усталым голосом. – Мой муж после этого слег в больницу с инсультом и через неделю умер. У меня нет ни родственников, ни друзей. Я одна на целом свете. Все, что у меня есть, – память о сыне и муже.

Мария затянулась сигаретой, выдохнула облако дыма и посмотрела сквозь него на гостью.

– Почему вы не верите в самоубийство? – спросила она.

– В последнее время Коля был сам не свой, – ответила Ольга Николаевна. – На выходные, перед самой смертью, он приезжал ко мне. Все два дня просидел у себя в комнате и звонил кому-то по телефону. Говорил Коля тихо, но очень раздраженно. Я слышала только, как он твердил – «я ваш, я ваш». А ночью Коля сильно стонал во сне. Я вошла к нему, чтобы проверить, все ли в порядке. Тогда он открыл глаза, посмотрел на меня и сказал – «посредник». Потом снова опустил голову на подушку и уснул.

– Посредник... – задумчиво повторила Мария. – Кого он мог так называть?

Ольга Николаевна удрученно покачала головой:

– Понятия не имею. Но, думаю, он очень сильно боялся того человека. И это еще не все. Мария Степановна, я не знаю, как вам сказать, но... – Сабурова потупила взгляд, словно ей предстояло признаться в чем-то непристойном. – Иногда мне кажется, что Коля все еще жив.

Марию признание женщины не удивило. Родителям нелегко поверить в смерть ребенка. Иногда отрицание факта смерти может стать настоящим навязчивым психозом. Тут нужно сразу расставить все точки над «и».

– Опознание тела проводили вы? – уточнила Мария. Сабурова кивнула:

– Да.

– И?

– Это был он, мой мальчик.

– Простите, но тогда я не...

– Он звонил мне.

Мария замерла с открытым ртом, глядя на бледное лицо гостыя. Потом сглотнула слюну и с усилием переспросила:

– Кто он? Кто звонил вам?

– Коля. – Ольга Николаевна нервно улыбнулась. – Он определился у меня на телефоне. Он пытался что-то сказать, но голос был очень слабый. Я ничего не смогла разобрать. – Ольга Николаевна помолчала, боясь встретиться взглядом с Марией. Потом тихо пробормотала: – Вы думаете, я сумасшедшая?

Мария предпочла не отвечать на вопрос. Она стряхнула с сигареты пепел и спросила:

– Телефон Коли так и не нашли?

Ольга Николаевна покачала головой:

– Нет.

Варламова задумчиво сдвинула брови. Десять тысяч долларов – большие деньги, но не настолько большие, чтобы браться за дело, в котором ничего не смыслишь. Однако в душе Марии проснулось любопытство.

Гостыя с надеждой и тревогой вглядывалась в ее лицо. Вдруг она подалась вперед и быстро проговорила:

– Вы ведь и сами были матерью. И тоже потеряли сына. Пожалуйста, помогите мне! Я знаю, что вы не занимались такими делами, но... Что, если ваши возможности гораздо шире, чем вы сами о них думаете?

Слова Сабуровой заставили Марию задумчиво сдвинуть брови. Она ведь действительно не знает своих возможностей. Пять лет назад Мария уцепилась за первое, что помогло ей вернуться к жизни. А что, если ей дано от Бога больше?

Как знать, вдруг, помогая этой женщине и, возможно, ее сыну, она каким-то образом поможет и своему сыну... Мария не слишком верила в посмертное существование, но за последние несколько лет видела много такого, что не укладывалось в привычные представления о мире.

Человеку не дано предугадать, как отзовутся его поступки. Но иногда стоит рискнуть.

– Вы ничего не теряете, – словно бы прочла ее мысли Ольга Николаевна. – Я просто хочу, чтобы вы попробовали. Если есть хоть один шанс...

Она замолчала и опустила взгляд на свои худые пальцы, сжимающие платок.

– Ольга Николаевна, – осторожно начала Мария, – допустим, что я попробую. Но... Что, если официальная версия окажется верной?

– К вам у меня не будет никаких претензий. Поймите, Мария, мне больше не к кому обратиться. Вы – моя последняя инстанция.

Варламова скосила глаза на раскаленный кончик сигареты. Для людей, которые приходили к ней, она всегда была последней инстанцией. Иногда это сильно ее утомляло, иногда – нервировало. Оправдана ли была их надежда? В двух

случаях из трех она ошибалась. И даже когда угадывала – зачастую полученной в видениях информации все равно было недостаточно, чтобы обнаружить пропавшего человека.

Пять лет назад у нее были приличная работа, квартира, шестилетний сын и подержанная темно-вишневая «Мазда».

А потом случилась авария. Виной всему мокрая дорога и любовь Марии к быстрой езде. При столкновении с грузовиком сын вылетел сквозь лобовое стекло и, как сказали позже эксперты, погиб мгновенно. Мария выжила, но лишилась селезенки и левой почки. Ее правую ногу хирурги собрали из осколков и склеили как могли (Мария находила, что не очень удачно). Но больше всего досталось голове. В результате сотрясения и ушиба головного мозга Мария девять дней пролежала в коме. Врачам пришлось трепанировать ей череп, чтобы откачать излившуюся в мозг кровь.

Через девять дней Мария пришла в себя и узнала, что сына у нее больше нет. Вот тогда-то и начались эти странные приступы. До жути реальный бред, во время которого мир, окружающий Марию, менялся и превращался черт знает во что.

Первый приступ случился в больничном сквере. Небо вдруг потемнело, а деревья превратились во вбитые в землю высоченные колья, на вершине каждого из которых болталась человеческая голова. Приступ продолжался всего две или три минуты, но за столь короткое время она испытала едва ли не такой же лютый ужас, как в то мгновение, ко-

гда узнала о смерти сына. Вскоре Марию выписали домой, и жизнь ее круто изменилась.

Мария вздохнула:

– Хорошо. Я попробую вам помочь. Где все это случилось?

– В студенческом общежитии. Вы знаете университетское здание на Воробьевых горах?

– Да. Студенты называют его ГЗ.

– Коля жил в секторе «Г». Блок 935. Левая комната.

Мария взяла со стола блокнот и ручку и, откинувшись на спинку кресла, снова взглянула на Ольгу Николаевну.

– Расскажите обо всем подробней, – попросила она.

Держа в руках визитную карточку Мария неторопливо набрала номер. Самойлов взял трубку почти сразу.

– Слушаю вас! – послышался в трубке его бодрый голос.

– Андрей Иванович, это Варламова.

– Мария Степановна! Как я рад вас слышать! Я как раз собирался позвонить вам и еще раз поблагодарить!

Мария поморщилась. Ей бы очень хотелось опустить «дежурную» часть разговора, состоящую из изъятий признательности и пожеланий доброго здоровья, но такова уж необходимая часть обычного ритуала.

– Как ваша дочь? – поинтересовалась она.

– Два дня назад вышла из больницы. Врачи говорят, что с ней все будет в порядке.

– Уверена, что вы об этом позаботитесь, – заметила Мария. Отлично, можно перейти в цели звонка. – Андрей Иванович, помните, вы называли себя моим должником?

– Конечно! Чем я могу вам помочь?

«Соберись, будь строгой и веской», – сказала себе Мария.

– Андрей Иванович, я знаю, что вас связывает близкая дружба с министром образования. Это так?

– Так. Мы с ним когда-то вместе учились. А что?

– Я хочу, чтобы вы помогли мне устроиться на работу.

– Вот как? Куда именно?

– В Московский университет.

На том конце «провода» повисла пауза.

– Понимаю, что звучит довольно дико, – снова заговорила Мария, – но для меня это очень важно.

– Гм... – пробормотал Самойлов. – Вы меня озадачили. Московский университет – место престижное. Попасть туда с улицы невозможно.

– У меня есть высшее образование, – сообщила Мария. – И я сдавала кандидатский минимум. Что, если я прочту какой-нибудь спецкурс? Совсем небольшой.

– Спецкурс? – Вновь пауза. – Что же вы хотите читать?

– Ну... что-нибудь связанное с магическими культами. Я изучила на данную тему огромное количество книг и неплохо разбираюсь в вопросе.

– Не сомневаюсь. – Собеседник снова выдержал паузу. Затем заговорил голосом все еще участливым, но уже слегка отстраненным: – Мария Степановна, вы спасли мою дочь, и я перед вами в неоплатном долгу. Но ваша просьба... как бы помягче сказать...

– Ясно. – Мария провела ладонью по волосам. – Что ж, спасибо, что выслушали. Всего доброго.

Она хотела положить трубку, но Самойлов окликнул:

– Пойдите! Не горячитесь, я ведь не сказал «нет». Просто это будет очень сложно – вас устроить. Могу я для начала узнать, для чего вам это?

– Мне надоело мое положение. Мне не верят, меня прези-

рают, меня ненавидят. Но если у меня будет статус преподавателя, даже мои недруги будут вынуждены принимать меня всерьез.

В паузе, возникшей затем, ощущалось сомнение. Наконец Самойлов заговорил:

– Мне не очень понятны ваши мотивы. Люди в очередь выстраиваются, чтобы встретиться с вами, а вы говорите о каком-то статусе. Вы спасаете жизни, разве этого мало?

– Выходит, что мало, – вздохнула Мария.

– Гм... Что ж, если так... Я попробую что-нибудь сделать. Но, конечно же, я ничего не гарантирую. Кстати, я показывал вашу фотографию дочери, и она сказала, что видела вас во сне. Удивительно, правда?

– В самом деле, – согласилась Мария. – Передавайте ей привет.

– Обязательно! А по поводу вашего вопроса... Давайте сделаем так: я попробую что-нибудь выяснить, а завтра утром, в крайнем случае – вечером, позвоню вам и обо всем расскажу. Идет?

– Идет.

– Тогда до связи?

– До связи.

– Берегите себя, Мария Степановна.

– Обязательно.

Самойлов перезвонил на следующее утро. Он сдержал слово и выхлопотал для Варламовой «пробный» спецкурс по

истории мистических культов и тайных доктрин. Мария подозревала, что Андрею Ивановичу пришлось привлечь связи весьма высокого уровня. По крайней мере, когда он разговаривал с ней по телефону, голос у него был усталый и не очень благожелательный.

– Постарайтесь меня не подвести, – попросил он в заключение беседы.

Мария пообещала.

Вечером она сидела в кресле с бокалом сухого красного вина в руке и смотрела на закат. Окно комнаты выходило на восток, но стекла противоположных высоток отражали оранжевые всполохи заката, и это зрелище было куда более изысканное и великолепное, чем вид закатывающегося за горизонт багрового шара.

Мария думала о шприце и ампулах с лекарством, лежащих в заветной шкатулке. А еще о Самойлове. Красивый мужчина. И почти ее ровесник. Сложись ее жизнь чуточку иначе и будь она чуточку покрасивее, то, пожалуй, могла бы...

Чушь! В тридцать четыре года женщины не мечтают о принцах. Да и какая из нее принцесса? Стареющая тетка с тростью в руке. Кто сможет разглядеть в подобном чудовище пламенную красавицу? Только идиот или сумасшедший.

Мария тихо засмеялась и отпила из бокала. Вино прохладной, ароматной волной прокатилось по языку. Мария любила это ощущение. Никакой наркотик не заменит ви-

на. Удовольствие, которое приносил наркотик, пахивало смертью. Во вкусе вина была жизнь.

Стекла соседних домов погасли. На город опускались сумерки. Мария задремала в кресле с пустым бокалом в руке.

Глава 2

1

Главное здание университета всегда напоминало Марии огромный средневековый замок. В дождливую погоду светло-бежевая облицовка высотки темнела, и здание становилось бурым. На фоне хмурого неба оно, с вонзенным в грозовую тучу золотым шпилем, смотрелось жутковато.

Мария прочла в Интернете, что высота ГЗ, то есть главного здания университета, – около трехсот метров, ого! В нем есть учебные аудитории, общежития, столовые, рестораны, продуктовые и книжные магазины. Настоящий город, в котором можно жить месяцами, не выбираясь наружу.

«Впрочем, все это лирика, думала она. – У нас есть комната, в которой заживо сгорел двадцатилетний паренек-инвалид. И есть полусумасшедшая, убитая горем мать, которая вообразила, что ее сына сожгли. Это – исходные данные, с которыми предстоит работать».

Табличка на двери гласила: «Технический факультет. Кафедра опережающих исследований».

Секунду или две Мария раздумывала, стоит ли ей постучать? Решила, что не стоит, взялась за ручку и открыла

дверь. Она увидела просторный кабинет, в центре которого стоял большой стол, а за ним сидел крупный пожилой мужчина с резкими чертами смуглого лица и с коротким ежиком серебристых волос.

Мужчина оторвал взгляд от бумаг, которые просматривал, и устремил взгляд на Марию.

– Чем могу быть...

– Я Мария. Мария Варламова.

– А... да-да. – Хозяин кабинета кивнул и сделал жест рукой. – Проходите, пожалуйста.

Мужчина не поднялся ей навстречу и не выдвинул для нее стул, из чего Мария сделала вывод, что здесь ей не особо рады. Кое-как усевшись на стул и пристроив рядом трость, Мария взглянула на завкафедрой.

Как же фамилия этого сухаря? Загоскин? Или Заботский? Или... Завадский. Да.

– Мы рады вас видеть здесь, Мария Степановна.

Голос у него был густой; и если бы не холодок, сквозивший в каждом слове, мог бы показаться Марии приятным. Она улыбнулась и приветливо проговорила:

– Пожалуйста, зовите меня Мария.

Заведующий кафедрой сдвинул черные брови.

– Мы стараемся не обращаться друг к другу по именам, ведь поблизости могут находиться студенты, – сказал он. – Не хотим давать им повода считать, будто здесь разрешено совать нос в чужую частную жизнь. Оставьте имя на нерабо-

чее время.

Мария стерла улыбку с губ. На вид Завадскому было лет пятьдесят, но, вероятно, он чуть моложе. Дело портили седые волосы и резкие морщины на смуглом лице.

– Сегодня ваше первое занятие, – сообщил завкафедрой без всякого перехода. – Ваш предмет весьма необычен для нашего факультета. Я согласился на него как на своеобразный эксперимент. Возможно, ректор прав и нашим студентам не мешает «слегка расширить горизонты». Не скажу, что тоже уверен в этом, но, как бы то ни было, буду рад, если у вас получится.

Что получится? Она уловила в его голосе нотки иронии? Или завернутое в вежливый тон презрение? Изощренное издевательство?

– Наши студенты, – продолжал Завадский, – ребята, развитые интеллектуально, но иногда их максимализм бывает совершенно несносен. Они еще не совсем вышли из тинейджерского возраста и часто воспринимают слова взрослого чересчур критически. Их замечания могут поставить вас в тупик или вызвать у вас растерянность.

Любопытно, что он подразумевает под своим высказыванием?

– Наше здание, – снова заговорил завкафедрой, – это своего рода оплот академизма...

– Но обстановка в нем самая уютная, – заметила Мария. Шутка не нашла отклика. Казалось, мужчина ее даже не рас-

слышал.

– Ваше прошлое, – в его голосе появились ледяные нотки, – связано с вещами странными и не имеющими никакого научного обоснования. У нас есть надежда, что во время чтения курса вы оставите свои «эксперименты» за стенами ГЗ.

Итак, он открыто объявлял ей, что она здесь лишняя.

– Я, кажется, забыла указать в резюме, что раньше была актрисой, – заметила Мария.

Завадский взглянул на трость и обронил:

– Да, вы не упоминали.

– Я говорю это к тому, что, несмотря на мой теперешний довольно беспомощный вид, меня не так-то просто застать врасплох или вогнать в краску. И дело тут не в сочувствии, которое я надеюсь вызвать в студентах своей тростью.

Казалось, завкафедрой был немного смущен ее объяснением.

– Кроме того, я никогда не конфликтовала с наукой. И не претендую на объективизм и универсальность. Все, что со мной происходит, происходит только со мной.

– Хорошо...

Он, разумеется, не понял ни черта. Помолчав немного, Завадский вдруг спросил:

– Вам хотелось бы знать, что сказали студенты?

– Сказали? Студенты?

– Да, о вас. Вернее – о вашем прошлом.

Ах вот как. Да, они уже предупреждены. Внимание, студенты, вы имеете дело с ненормальной инвалидкой! Хм...

– Да, было бы любопытно.

– Они считают вас представительницей отвратительного племени шарлатанов. И переубедить их будет сложно. Видите ли, очень многие беды молодежи исходят от излишней самонадеянности. Порою ребята просто не могут контролировать себя.

Завадский взглянул на Марию так, как если бы она собиралась спорить с ним. И закончил свою мысль:

– Им нужно показать, что существуют альтернативы их способу мышления. Вот что, думаю, будет им полезно.

Завкафедрой встал из-за стола и подошел к окну. Главное здание был своего рода дворцом, вокруг которого простирались «королевские» владения. Игровые поля, учебные корпуса, манеж, поликлиника, магазины.

– Мы стараемся дать студентам побольше свободы, – продолжил Завадский, стоя к Марии боком и заложив руки за спину. – Но стараемся не потакать их капризам и дисциплинировать их ум. Многие студенты университета стараются быть лучшими во всем. Они считают себя своего рода избранными. Ведь при поступлении им пришлось выдержать огромный конкурс.

Завадский еще немного посмотрел в окно, затем взглянул на часы и сообщил:

– Ваша аудитория недалеко от кафедры. На тот случай,

если вы захотите взглянуть заранее.

Разговор был окончен. По крайней мере, пока.

Минуту спустя Мария уже ковыляла к аудитории. Там шло занятие, но сквозь небольшой глазок в двери были видны парты и студенты. Молодые люди внимательно слушали преподавателя и старательно вписывали что-то в свои тетради. Зрелище, в общем-то, утешало: похоже, ребят не нужно убеждать в том, что полученные знания – это ключ к успеху. Ради успеха они и пришли в университет.

Комендант общежития – полная, очень рослая женщина с бесцеремонно искусственными рыжими волосами – вела ее по полутемному коридору и болтала без умолку:

– Думаю, вас сюда помещают временно. Обычно преподавателей здесь не селят. Но в общежитии для преподавателей сейчас нет мест. Там ремонт. Красят, белят, ремонтируют двери... Работы займут еще недели две, не меньше.

Мария с трудом поспевала за комендантом. Та, казалось, не замечала (или не хотела замечать) трость, которую Мария сжимала в руке. Наконец они остановились у двери, медные цифры на которой оповестили – 932.

– В блоке, кроме вас, никого не будет, – сказала комендант. – Это единственное, что я могу для вас сделать.

– А сколько комнат в блоке? – поинтересовалась Мария.

– Две, – ответила комендант, вставляя ключ в замочную скважину. – Две комнаты, ванная и туалет. Крыло аспирантское, и условия здесь вполне сносные.

Она повернула ключ и распахнула дверь. В лицо Марии пахло запахом ветхости.

– Входите и осматривайтесь, – пригласила ее комендант.

Мария шагнула в полутемную прихожую. Стекланные панели дверей, ведущих в комнаты, пропускали немного света, но его было явно недостаточно, чтобы разглядеть детали.

Комендант пощелкала выключателем, но свет в прихожей не зажегся.

– Наверное, лампочка перегорела, – буркнула женщина недовольно. – Я сегодня же пришлю электрика. Дать вам ключи от обеих комнат, или будете жить в одной?

– Буду жить в одной, – ответила Мария.

– В левой или в правой?

– Мне все равно. Пусть будет правая.

Рыжая гренадерша шагнула к правой двери и вынула из кармана позвякивающую связку. Немного повозившись с ключами и замком, открыла дверь.

– Ну, вот... Располагайтесь, а я схожу за постельным бельем.

Комендант вручила Марии ключи от комнаты и блока, развернулась и тяжелой поступью вышла в коридор.

Оставшись одна, Варламова огляделась. Комнатка была еще меньше, чем она себе представляла. Семь или восемь квадратных метров, вряд ли больше.

У окна с мощным гранитным подоконником стоял старый книжный шкаф со стеклянными дверцами. Рядом – квадратный, сильно потертый стол. Возле стола – крепкий тяжелый стул. Мебель была хоть и старая, но зато из настоящего дерева и очень добротная.

Кровать, больше напоминающая диван, была небольшая, с металлическими поручнями в изголовье и в ногах и с мягкой разборной спинкой. Больше мебели в комнате не было.

Мария бросила сумку на пол и тяжело опустилась на диван. В покалеченном колене пульсировала боль, и Мария слегка помассировала его пальцами.

Затем взглянула на часы. Через двадцать пять минут начинается ее первое занятие.

Покупая в холле ГЗ свежую газету, Мария невольно обратила внимание на двух парней, сидевших неподалеку на подоконнике. Парни были настолько разные, что странным казалось даже то, что они могут вот так запросто сидеть рядом и переговариваться. Один из них был невысокого роста, но очень ладно скроенный и смазливый – темная челка, карие глаза, алые губы. Одет в потертые джинсы, замшевую куртку и кеды. Второй был полной его противоположностью – высокий, под два метра, с толстой воловьей шеей и простоватым плоским лицом вышибалы. Он был одет в светлую безвкусную толстовку и широкие штаны, количество карманов на которых невозможно было подсчитать.

– Ну, вытаскиваю я, значит, из кармана коммутатор и тычу в него зубочисткой, – рассказывал бугай басом. – И выдаст он мне телефончик знакомой, Ленки. Ну, думаю, делать все равно нечего. И рванул, короче, к ней. Поднимаюсь по лестнице и, прикинь, сталкиваюсь на площадке с соседом. Парнишка выходил с огромным псом. Кто больше обтрухался – я, пес или парнишка, – я так и не понял...

Смазливый слушал его с рассеянным выражением лица. Видно было, что мыслями он сейчас далеко. Приглядевшись к парням внимательней, Мария по некоторым признакам поняла, что лидирует в тандеме явно смазливый, а бугай при

нем – что-то вроде простушки дуэньи при знатной юной сеньорите.

– Я уж подумал слинять, да ножки ее меня остановили... – продолжал басить бугай. – Да и воспоминания о прошлом тоже... Хотя, ясный пень, меня эта чика уже подзабыла. Ну, думаю, тем хуже для нее. Ну, подъехал я к ней, короче, погусарски...

Мария и смазливый брюнет встретились взглядами. Они смотрели друг другу в глаза всего пару секунд, после чего смазливый усмехнулся и отвел взгляд. Мария отвернулась, сунула газету в сумочку и захромала к лифту.

Десять минут спустя она увидела обоих парней на задней парте аудитории. На сей раз смазливый брюнет улыбнулся ей почти по-приятельски и кивнул в знак приветствия головой.

Пять пар глаз с любопытством разглядывали ее. Марии стало немного не по себе, но она привычно взяла себя в руки.

– Добрый день, ребята! – Голос не дрогнул. – Меня зовут Мария Степановна Варламова. Я прочту вам спецкурс «Мистические культы и тайные доктрины». У нас с вами будет по четыре академических часа в неделю, а через двадцать один день я приму у вас зачеты. Есть вопросы?

– Есть! – подал голос долговязый блондин в красном свитере. – Зачем нам спецкурс по мистике? Мы ведь не этнографы и не фольклористы.

Мария взглянула на него. Голубые, холодные глаза, русые, аккуратно подстриженные волосы, волевой подбородок

с ямочкой посередине. Герой комикса, не иначе.

– Можно узнать ваше имя? – поинтересовалась Мария.

– Меня зовут Виктор Бронников.

– Приятно познакомиться. Виктор, а разве вам неинтересно узнать о ваших предшественниках? Ведь средневековые мистики занимались алхимией. Именно они впервые получили серную кислоту и фосфор. Они изобрели порох и наладили производство фарфора.

– Все же я не понимаю, как сульфат мышьяка может быть связан с мистикой? – проговорил Бронников почти презрительно.

– Это он для вас сульфат. А для алхимика Роджера Бэкона он был «зеленым львиным эликсиром», составной частью эликсира бессмертия. И разница тут не только в названиях, но и в подходах. Или Роджер Бэкон для вас не авторитет?

Блондин смерил ее таким взглядом, будто впервые столкнулся с необходимостью отвечать на чьи-либо расспросы.

– В каждом человеке живет гений и идиот, – небрежно заметил он. – Меня интересует только гений.

– Значит, считается, что мистическая сторона жизни интересует только идиотов?

– Конечно. Демоны, ангелы, бесплотные призраки и мстительные духи – сказочки для детей. Но когда взрослый человек продолжает играть в куклы, люди обычно называют его идиотом.

– А по-моему, это интересно! – вступила в разговор хо-

рошенькая девушка, сидевшая за первой партой. У нее было очень живое лицо и густейшие, модно остриженные, каштановые волосы. – Жизнь так коротка, и так много хочется узнать!

– В призраков верят только отсталые и несовершенные умы, – отчеканил Виктор. – Человек состоит из мяса и костей. Ничего другого в нем нет.

Мария снова остановила на нем взгляд.

– Думаете?

– Просто уверен, – небрежно обронил Виктор.

– Что ж... Тогда я прочитаю вам пару отрывков. Считайте их чем-то вроде предисловия или пролога к нашему спецкурсу.

Мария открыла лежащую на столе книгу, полистала ее, затем, найдя нужный эпизод, начала читать вслух:

«Странный случай, произошедший с камергером шведского короля, бароном Зульцем, показался ему столь необъяснимым, что он постарался возможно подробнее записать его в своем дневнике.

«Я встретил, – писал барон, – у входа в парк моего отца в его обычном костюме, с палкою в руках. Я поздоровался, и мы с ним долго говорили, направляясь к дому; уже войдя в его комнату, я увидел в постели крепко спящего отца; в этот момент призрак исчез; через несколько минут отец проснулся и вопросительно посмотрел на меня».

Мария перелистнула страницу и прочла второй выделен-

ный карандашом отрывок:

«Капитан Н., женившись в Швейцарии, принужден был оставить жену и отправиться к своему полку в Неаполь. Там за обедом у товарища он вдруг оборвал речь и в ужасе устоялся в одну точку. Затем, обретя дар речи, произнес: «Вон там моя жена склонилась передо мною на колени и молит меня о прощении». Через некоторое время он получил письмо с известием о смерти жены в тот день и час. Поехав в Швейцарию, он узнал, что она ему изменила и, умирая, сильно желала видеть его, чтобы попросить у него прощения».

Мария закрыла книгу и взглянула на Виктора Бронникова.

– Что ты обо всем этом думаешь?

– Выдумка, – небрежно обронил блондин.

– Но данные случаи задокументированы.

– Документы тоже часто врут.

– Чему же ты тогда веришь?

Ответ парня Марию не удивил.

– Я верю только собственным глазам, – заявил Бронников таким тоном, каким обычно обращаются к слабоумным.

– Вот как? – Мария достала из кошелька монетку, положила ее на узкую ладонь и показала Виктору. – Видишь ее?

– Да, – ответил тот.

Она сделала несколько быстрых движений и снова показала блондину ладонь, на сей раз пустую.

– А теперь?

Парень хладнокровно прищурился.

– Что вы хотите сказать?

– Монетка исчезла, нарушив все законы физики.

– Это просто фокус.

– Верно, – согласилась Мария. – Но ты видел ее исчезновение собственными глазами. Выходит, теперь ты не доверяешь даже собственным глазам.

Блондин хотел что-то сказать, но не нашелся, лишь растерянно сморгнул. При виде его потерянной физиономии студенты засмеялись.

– Что, Бронников, съел? – весело окликнула его хорошенькая шатенка с первой парты.

Варламова улыбнулась.

– Ладно, ребята. Повеселились, и будет. Пора начинать занятие. Тема сегодняшней лекции – опыты арабского алхимика Гебера.

Мария никогда прежде не занималась преподавательской деятельностью, однако волнения сейчас почти не чувствовала. Она решила вести себя естественно и представила себе, что ребята сидят у нее дома, а она просто пересказывает им содержание только что прочитанной книги. Получилось, в общем-то, неплохо. По крайней мере, студенты слушали с интересом и никому (по крайней мере, пока) не пришло в голову обвинить ее в самозванстве и шарлатанстве.

Наконец прозвенел звонок. Студенты сбросили с себя оцепенение и засобирались.

– Перед тем как вы разойдетесь, я хочу сделать небольшое объявление, – обратилась к ним Варламова. – Когда-то я была актрисой и играла в театре...

По аудитории пробежал ропот.

– Понимаю, что в это трудно поверить, – улыбнулась Варламова, – однако это правда. Так вот, однажды мне предложили вести театральную студию вместо ушедшей в декретный отпуск. Старая труппа театра меня проигнорировала...

– Их можно понять, – насмешливо заметил парень в мощных очках и ущипнул себя пальцами за кудрявую русую бородку. (В ходе лекции Мария уже выяснила, что зовут его Эдик Граубергер.)

– Да, их можно понять, – согласилась с парнем Мария. – Но театр-то не должен простаивать без дела. Вот я и подумала: что, если мы с вами порепетируем и разыграем несколько сцен из какой-нибудь известной пьесы?

– Зачем? – спросил с задней парты гигант с лицом вышибалы.

– Вы все – будущие ученые. И это замечательно. Но один немецкий философ как-то сказал, что наука и искусство смотрят на одни и те же вещи, но с разных колоколен. Мне кажется, вам будет полезно временно перебраться на соседнюю колокольню и сменить точку обзора. Считайте это чем-то вроде факультативного занятия. Короче, если кто-то хочет попробовать себя в качестве актера – милости прошу записываться в студию. Виктор Бронников, есть желание запи-

саться?

– У меня нет времени на такую чушь, – ответил блондин.

– Чушь? Но ведь ученый должен быть открыт всему новому! Разве тебе не хочется попробовать?

Виктор на секунду задумался и пожал плечами:

– Собственно, почему бы и нет. Может быть даже забавно.

– В общем, если кто-то захочет, приходите в театральную студию часа этак через три.

– Мы свободны? – нетерпеливо спросил Граубергер.

– Да.

Повторять дважды не пришлось, через несколько секунд в аудитории остались только Мария и хорошенькая шатенка. Та подошла к столу и, приветливо улыбнувшись, проговорила:

– Мария Степановна, запишите меня.

– Как тебя зовут?

– Вика Филонова.

Мария раскрыла записную книжку и вписала имя и фамилию Вики.

– А что мы будем ставить? – спросила Вика.

– А ты бы что хотела?

– «Гамлета»!

Варламова улыбнулась.

– Ну, разумеется. А тебе не кажется, что пьеса немного сложновата для новичков?

– А что в ней сложного?

– Ну... – Мария запнулась. А что ж, для радикальной смены точки обзора нужно выбрать и колокольню повыше... – Вообще-то, идея неплохая. А кого бы ты хотела сыграть?

– Офелию, конечно, – обронила Вика как очевидность. – Она красавица и текст у нее вроде бы незамысловатый.

– Да... – Мария улыбнулась. – Действительно.

Вот она, пресловутая самонадеянность, о которой говорил ей завкафедрой.

– Значит, так тому и быть, – сказала Мария и захлопнула блокнот. – Жду тебя на репетиции. Кстати, не подскажешь, где тут у вас столовая?

– Внизу. Хотите я вас провожу?

– Если тебе несложно.

– Что вы, конечно, несложно! Я сама туда иду.

Вика сидела на стуле вполоборота к столу, скрестив стройные ножки.

– В юности я тоже мечтала стать актрисой, – сообщила она, колупая вилкой салат. – Даже собиралась поступать в театральный.

– Что же тебя остановило?

– Папа. Он у меня химик, работает в НИИ. Он серьезно со мной поговорил. Объяснил, что работа актера – как бы шоколад. А когда в доме нет хлеба и картошки, на одном лишь шоколаде долго не протянешь.

– И ты решила стать ученым, чтобы зарабатывать на хлеб насущный?

– Что-то вроде того. Папа сказал, что мир жесток и чтобы в нем выжить, человеку нужна серьезная и перспективная профессия. Мечтой жив не будешь.

– Некоторым это удастся, – заметила Мария. – Но «опережающие исследования», конечно, намного перспективней актерского ремесла.

С полминуты они молчали, занимаясь только едой.

– Мария Степановна, – снова заговорила Вика, глядя на Марию любопытными глазами, – а вы снимались когда-нибудь в кино?

– Да. Дважды.

– А в каких фильмах?

– Боюсь, их названия ни о чем тебе не скажут.

– Но мне ваше лицо кажется знакомым.

Мария усмехнулась.

– Это вряд ли. Я тогда иначе выглядела, да и снималась только в эпизодах.

– Ясно. А почему вы сейчас не в театре?

– Ну... – Мария пожала худыми плечами. – У меня та же причина, что и у тебя. Однажды я поняла, что актерская профессия меня не прокормит, и поступила в институт, на вечернее отделение. Вечерами училась, днем работала. Совмещать учебу с театром оказалось сложно. А потом и невозможно.

Мария отпила кофе и небрежно проговорила, сменив тему:

– Я слышала, у вас тут недавно погиб студент. Кажется, его звали Коля Сабуров.

Вика кивнула:

– Да. Он был инвалид. На техфак поступил вне конкурса, за что его многие презирали и ненавидели.

– Он плохо учился?

– Да нет.

Мария посмотрела, как Вика отправила в рот еще один кусочек салата, и спросила:

– Что с ним случилось?

– Точно не знаю, – ответила Вика. – Ходят разные слухи.

Одни говорят, что он вылил на себя бензин из баллончика для заправки зажигалки, другие – что облил себя одеколоном. Говорят, когда он кричал, его вопль был слышен даже в соседнем крыле. – Вика передернула плечами. – Жуть!

Девушка отодвинула пустую тарелку, взяла из стаканчика салфетку и промокнула губы. Затем открыла сумочку, достала серебряное зеркальце и стала рассматривать в зеркальце свои зубы. Потом сжала губы, крепко провела языком по верхней десне и снова посмотрела в зеркальце.

Мария, как любая женщина, в присутствии которой другая женщина «чистит перышки», испытала острое желание тоже заняться своим лицом, но тут же обозвала себя дурой.

– Может быть, он не поджигал себя? – спросила она.

Вика отвела взгляд от зеркальца.

– Как это? Вы что, думаете, его кто-то прикончил?

– Время от времени с людьми такое случается, – заметила Варламова.

Девушка подумала и отрицательно качнула головой:

– Да нет, чепуха. Простите за грубое слово, конечно... Чтобы сжечь человека живьем, нужно быть настоящим зверем. Ну, то есть... Я хотела сказать, что у нас таких подонков нет. Всякое, конечно, бывает. Бывает, мальчишки выпивают, спорят, даже дерутся. Но чтобы сжигать друг друга... нет, это невозможно.

– А почему именно мальчишки?

– Что?

– Почему именно мальчишки? Разве девочки не способны на жестокость?

Вика растерянно захлопала ресницами.

– Способны, конечно, но... – Она нахмурилась. – Что-то я не понимаю. Вы что, серьезно?

Мария улыбнулась:

– Нет, конечно. Я просто пошутила.

– Уф-ф... – Вика улыбнулась, блеснув ухоженными зубками. – Вы прямо как следователь.

– А ты говорила со следователем?

– Конечно. Сабуров ведь учился в моей группе. Следователь беседовал с каждым из нас.

– Ясно. Ладно, давай сменим тему.

Но заговорить на другую тему не удалось, потому что в тот момент к столу подошла еще одна девушка. Невысокая, стройная, почти хрупкая, с бледным лицом и длинными черными, не очень чистыми волосами. Глаза девушки были обведены темной тушью. Из проколотой ноздри торчал серебряный гвоздик.

Она скользнула безразличным взглядом по лицу Марии и буркнула, обращаясь к Вике:

– Привет.

– Привет, – ответила Вика тоном, в котором не было и намека на приветливость. – Мария Степановна, познакомьтесь, это Настя Горбунова. Она тоже учится в нашей группе.

– Очень приятно, – сказала Мария.

– Мне тоже, – снова буркнула девушка и воззрилась на Вику. – Вика, мне нужно с тобой поговорить.

– Если ты не заметила, я не одна.

– Я буду в курилке. Подойдешь?

– Возможно.

Черноволосая скользнула взглядом по лицу Варламовой и небрежно бросила:

– До свидания.

Затем, не дожидаясь ответа, отвернулась и быстро зашагала к выходу.

– Твоя подруга? – спросила Мария у Вики.

Та фыркнула:

– Вот еще! Она же готка.

– Кто? – не поняла Мария.

– Ну, есть ребята, которые балдеют от всего, что связано с адом и смертью. Они слушают Мерлина Менсона, Хим и Найтвиш. Читают и смотрят ужастики. Одеваются в черное и напускают на себя зловещий вид. Некоторые воображают себя колдунами и ведьмами. В общем, ведут себя как полные креси, – подытожила Вика.

– Зачем же они это делают?

– Да ни за чем. Просто выпендриваются. Знаете, как про таких говорят? Некрасивые дети небогатых родителей. Нужно же им как-то обратить на себя внимание.

– Ясно.

– К тому же она инвалидка, – небрежно продолжила Ви-

ка. – У нее артрит или еще что-то. Иногда ее так кособочит, что смотреть страшно. Ой... – Вика смущенно взглянула на костяной набалдашник трости. – Простите, я забыла, что вы тоже...

– Не напрягайся, – успокоила ее Мария. – Тем более что никакого артрита у меня нет. Пять лет назад я попала в автомобильную аварию, вот с тех пор и хожу с тросточкой. – Мария улыбнулась и добавила: – Как Чарли Чаплин.

– А что, в этом даже есть что-то экстравагантное и импозантное, – улыбнулась в ответ и Вика.

– Для женщины – вряд ли, – возразила Мария. – Но я по данному поводу не парюсь. Скажи-ка, а эта девочка... Настя Горбунова... она не дружила с Колей Сабуровым?

Вика покачала головой.

– Нет. Хотя... – Брови девушки дрогнули. – Однажды я видела, как они вместе сидели в библиотеке. Помню, еще подумала тогда: славная парочка. Калека энд калека. Ой, простите, я опять забыла, что вы тоже...

– Не переживай, – вновь успокоила ее Варламова. – Скажи-ка, а ты легко поступила в университет?

Вика улыбнулась:

– О да. У меня очень хорошая память, мне достаточно один раз прочитать текст, чтобы запомнить его. Впрочем, здесь у всех отличная память. Это ведь Московский университет!

– Значит, у тебя не будет проблем с текстом, – улыбнулась

Мария. – Пожалуй, ты действительно можешь сыграть Офелию. Извини, мне пора.

Варламова протянула руку за тростью.

– Вы сейчас куда? – спросила Вика.

– К себе. Прости, я не пояснила. Руководство выделило мне комнату в студенческом общежитии. На тот месяц, пока я буду здесь.

– Ой, как здорово! А вы в каком секторе?

– В секторе «Г». Девятьсот тридцать второй блок.

Брови девушки взметнулись вверх.

– Вы серьезно?

– А что?

– Да нет, ничего. Просто... Мы с вами только что говорили о Коле Сабурове, а он ведь жил в девятьсот тридцать пятом. Совсем рядом. Надо же, какое совпадение!

– Да уж... – Внезапно Мария передумала уходить и убрала руку с набалдашника трости. – Раз уж ты заговорила о нем... Скажи, а Коля Сабуров был замкнутым парнем?

– Ну... – Вика задумалась. – В основном он был очень замкнутым. Но иногда его вдруг прорывало, и он начинал дискутировать с преподавателями и другими студентами.

– О чем?

– Да обо всем. Если речь заходила о квантовой физике, то о квантовой физике, если о наводнении в Таиланде, то о наводнении в Таиланде. Помню, однажды речь зашла о Новом Завете, и Сабуров на полном серьезе заявил, что «вто-

рое пришествие» уже состоялось, и мессия давно живет среди нас.

– Гм... – Мария задумчиво облизнула губы. – Интересная точка зрения. Как он ее обосновывал?

– Уже не помню. Меня весь этот бред мало интересует.

– Ты сказала, что он был замкнутым. У него совсем не было друзей?

– Думаю, нет.

– Чем же он занимался в свободное от учебы время?

– Сабуров-то? Известно чем. У него с собой постоянно был пакет, набитый дисками с фильмами.

– Он приносил их на занятия? – удивленно спросила Мария.

– Да нет. Просто у нас на втором этаже есть видеопрокат. Думаю, по пути на занятия он заносил туда просмотренные диски и брал новые.

– Значит, он любил кино?

– Судя по кассетам, он смотрел по два-три фильма каждый вечер. Я тоже люблю кино, но я так бы не смогла. Хотя... в его положении лучше смотреть, чем совсем ничего.

– Ты говоришь о порнографии?

Мария игриво усмехнулась.

– Угу. Он, конечно, был калека, но ведь и у калек есть желания.

– В этом можешь не сомневаться, – заверила ее Мария.

Вика снова взглянула на трость, прислоненную к стулу, и

снова покраснела.

– Я все время говорю глупости, – с досадой проговорила девушка.

– Вовсе нет. Называть вещи своими именами не значит говорить глупости. Слушай, Вика, расскажи мне немного о группе. А начни с того блондина, который все время пытался вступить со мной в дискуссию.

– Вы про Витьку Бронникова?

– Угу.

– Ну, Витька из очень приличной семьи.

– В былые времена сие означало, что папа – врач, а мама – учитель, – заметила Варламова. – А что значит сейчас?

– Сейчас значит, что его папа – замглавы концерна «Роспромхим». Миллионер. Когда-то он преподавал на нашем факультете, но потом, после развала Союза, ушел в бизнес и там преуспел.

– Ясно. А что, Бронников хороший студент?

– Витька отличник. Идет на красный диплом. Очень эгоцентричен и самоуверен.

– Что ж, пожалуй, у него есть основания, – заметила Мария.

Вика пожала плечами:

– Так же, как у многих других. Вон у Эдика Граубергера мать – главный технолог на медном заводе, а отец – известный хирург.

– Ты говоришь о кудрявом парне с русой бородкой?

– Да.

– Он тоже отличник?

– Конечно. Или взять хотя бы неразлучную парочку – Стас Малевич и Денис Жиров.

– Красавчик брюнет и громила?

Вика кивнула:

– Да. Малевич, конечно, красавец и бабник, но еще и светлая голова. Он занял первое место на прошлогодней олимпиаде.

– Прямо баловень судьбы, – не без иронии проговорила Варламова. – А Жиров?

– Ну, Жиров... Он-то особыми способностями не блещет. По мне, так простой тупица.

– Тупица – в МГУ?

– А что, думаете, здесь нет идиотов? – Вика саркастически хмыкнула. – Блат, он и в Африке блат. У одного мама – профессорша, у другого папа – владелец сети станций техобслуживания. Так что кретины и здесь встречаются. Разве что в МГУ их чуточку меньше, чем в других вузах.

– Как же они учатся?

– Да по-разному. За Жирова, например, Стас все рефераты и курсовые пишет. Ну а Жиров взамен спасает его от разных неприятностей. Вот захотел, например, Малевич поселиться в общежитии, так Жиров кого надо «подмазал» и выбил аспирантский блок. Там они оба и обитают – вдали от родительской опеки.

– Парни живут в общежитии? – удивилась Мария.

Вика мотнула головой:

– Живут – не то слово. Ночуют иногда. Когда домой неохота ехать, или когда с девчонками... Ну, вы понимаете. А вообще, думаю, Жирову льстит, что такой человек, как Стас, обратил на него внимание, вот и лезет из кожи вон, чтобы угодить ему.

– Знакомая история, – усмехнулась Мария. – Принц крови и слуга-простолюдин. Они всегда ходят вместе?

– Да. Даже девчонок кадрят вместе. Вернее, кадрит Стас. Но иногда кое-что перепадает и Жирову.

– «Объедки» с барского стола?

– Что-то вроде того.

Как всегда после плотного обеда, Мария почувствовала острое желание курить. Однако разговор, что называется, клеился и прерывать его было бы весьма неблагоприятно с ее стороны. Похоже, девушка любила посплетничать о знакомых.

– Давай вернемся к Виктору Бронникову. Почему он так агрессивен?

Вика нахмурилась и произнесла с мрачноватой усмешкой:

– Ну, он вообще презирует женщин. Считает их низшими существами.

– А как к нему относятся другие парни из группы?

– Уважают. Он ведь, кроме того, что отличник, еще и спортсмен. В мае стал чемпионом на университетской спар-

такиаде по многоборью. К тому же он...

В сумочке у Вики зазвонил телефон.

– Простите, – обронила девушка. Затем достала из сумочки розовый мобильник, украшенный маленькими стразами, приложила его к уху и с милой улыбкой проворковала в трубку: – Да... Да, конечно, уже выхожу. Ну, пока!

Затем сложила телефон и, глянув на Марию виноватым взглядом, проговорила:

– Мне пора идти. Встретимся на репетиции, да?

– Хорошо, – кивнула Мария.

Одарив ее на прощание ослепительной улыбкой, Вика покинула столовую.

Как и следовало ожидать, коридор общежития был пуст. В холле стояли огромные кресла, набитые конским волосом и обтянутые толстым коричневым коззамом. Паркетный пол, красная ковровая дорожка, деревянные двери с медными цифрами, литые латунные ручки. Даже непосвященный должен был сразу понять, что он попал в общежитие главного университета некогда самой могущественной из империй.

Мария неторопливо прошла по коридору. Пахло старым деревом и прогорклой деревянной пылью. Настоящий запах времени. Империи не исчезают бесследно, как не исчезают бесследно дома и люди. Все они превращаются в пыль. Мы вдыхаем эту пыль, и она становится частью нас самих. История бежит по нашим венам и артериям, заполняет каждую клетку наших тел. В каждом из нас тысячи, миллионы людей, и если хорошенько прислушаться, можно расслышать их голоса, почувствовать их боль и страдания...

Варламова усмехнулась: «Куда это меня занесло?» Поудобнее перехватила трость и двинулась дальше вдоль череды одинаковых дверей.

938... 937...

Вдруг в груди у Марии сдавило, да так сильно, что она потеряла способность дышать. Варламова остановилась и, тяжело оперевшись на трость, замерла, пытаясь восстановить

дыхание. Сердце бешено колотилось; ладонь, сжимающая трость, вспотела.

Отсюда Мария уже видела дверь блока 935. Обычная деревянная дверь, ничем не отличающаяся от остальных. Но нет, она все же отличалась: дверь странно покоробилась, завибрировала и выгнулась, словно ее обдали волны жара, а одна из медных цифр расплавилась и слегка оплыла...

На лбу у Марии выступили бисеринки пота. Рот ее дернулся, а по лицу, подобно кругам от брошенного в воду камня, пробежала судорога. Она зажмурила глаза, досчитала мысленно до десяти и снова открыла их. Дверь была в порядке.

Мария подняла руку и пощупала лоб. Хм, холоден как лед. Похоже, у нее было видение, и он застало ее врасплох.

Варламова взяла себя в руки и заковыляла дальше. Вот и блок под номером 935.

Остановилась перед желтоватой деревянной дверью. Несколько секунд она смотрела на медные цифры, затем перевела взгляд на дверную ручку, а от нее – на белый листок бумаги с подписью коменданта общежития и круглым синим оттиском. Блок был опечатан.

Странно, подумала Мария. Следствие уже закончено. Почему же в блоке до сих пор никто не живет? Не селят из этических соображений?

Она улыбнулась и качнула головой. Нет, вряд ли. Коменданты общежитий не забивают себе голову этическими проблемами. Для них главное – метраж и порядок. Вероятно, в

комнате еще не сделали ремонт. Во времена юности Марии коменданты общежитий были не слишком расторопны. Видимо, с тех пор мало что изменилось.

Мария вздохнула и, опираясь на трость, зашагала к своему блоку, думая лишь о диване, на котором она сможет растянуться и лежать неподвижно до тех пор, пока пульсирующая боль в колене не ослабеет.

У себя в комнате она взяла со стола пепельницу и перешла с ней к дивану. Села, сделала несколько жадных затяжек и вдавила окурок в железное дно пепельницы. Ну вот, теперь осталось снять ботинки. Ботик с глухим стуком шлепнулся на пол. За ним последовал второй. Мария сдернула носки, легла на диван и с удовольствием вытянула босые ноги.

Ей удалось немного поспать, так что на первую репетицию Мария шла относительно отдохнувшей. В коридоре учебного корпуса она вдруг увидела черноволосую хрупкую девушку. Ту самую Настю Горбунову, «сумасшедшую готку», как охарактеризовала ее Вика.

Рядом с девушкой стоял жилистый сутуловатый парень с такими же длинными, черными волосами, как у Насти, и с целой гроздью серебряных колец в левом ухе.

– Настя! – окликнула девушку Варламова.

Настя обернулась. Взгляд у нее был почти неприязненный.

– Ты помнишь меня?

Девушка усмехнулась:

– Конечно. Я ведь не склеротик.

– Ты числишься в списках группы, но на моем занятии тебя не было. Могу я узнать, почему?

– Потому что вы читаете спецкурс по мистике.

– И что?

– Ничего, – ответила девушка таким тоном, который явно показывал, что она не видит смысла в пустых разговорах. – Просто я знаю про мистику все. А по мистическому учению Блаватской я даже готовила доклад.

– Ясно.

Девушка уже начала отворачиваться, явно потеряв к Марии интерес, но Варламова снова ее окликнула:

– Ты, конечно, извини, Настя, но тебе придется прийти на мое занятие.

– Что? – Девушка покосилась на Марию, как строптивая лошадь, потом прищурилась и откинула с лица длинную черную прядь. На руке ее красовались часы, циферблат которых казался непомерно большим для ее тоненького запястья. На циферблате был нарисован череп.

– Я настаиваю, чтобы ты посещала мой спецкурс, – сказала Варламова. – Иначе я не поставлю тебе зачет.

Настя хмыкнула.

– Зачем мне ходить на ваш семинар? Он ведь даже не профильный.

Молодой человек, стоявший рядом, легонько ткнул девушку в бок, но та не обратила на него внимания.

– Хорошо, – снова заговорила Варламова, – тогда давай сделаем так. Ты придешь на следующее занятие. Если оно покажется тебе скучным, я освобожу тебя от посещения спецкурса и поставлю зачет автоматом. Как тебе мое предложение?

– Нормально, – ничуть не удивившись, ответила Настя. Потрогала рукой черные волосы и, захватив несколько длинных прямых прядей, переложила их так, чтобы прикрыть уши, форма которых оставляла желать лучшего.

– Ну, значит, договорились, – улыбнулась Мария. – Слу-

шай... неудобно тебя просить, но... Поможешь мне подняться по лестнице? Здесь очень крутые ступени, и для моей ноги это слишком тяжелое испытание.

Настя опустила взгляд и уставилась на ноги Марии.

– У вас больная нога?

– Да, как видишь.

– Я не знала.

– Давайте я вам помогу, – вызвался парень.

Мария взглянула на молодого человека и радужно ему улыбнулась:

– Было бы очень любезно с вашей стороны.

Мария ожидала этого предложения. Она не нуждалась в помощнике, но решила не упускать случая побольше узнать о Насте и ее приятеле.

Пока Варламова поднималась по лестнице, парень учтиво держал ее под локоть.

– Могу я узнать имя моего рыцаря? – поинтересовалась Мария, когда они оказались наверху.

– Меня зовут Антип, – ответил юноша.

– Вы учитесь вместе с Настей?

Парень покачал головой:

– Нет. Я с факультета информатики.

– Учишься на программиста?

Он едва заметно улыбнулся:

– Что-то в таком роде.

У парня была хорошая аура – чистая, незамутненная и

невозмутимая, как у ребенка, и Марии это понравилось.

– Антип! – сердито окликнула его снизу Настя. – Ты долго еще?

– Сейчас иду. Простите, не знаю, как вас зовут...

– Мария Степановна.

– Мария Степановна, рад был вам помочь. Если вздумаете взобраться на Одесскую лестницу – свистните, и я примчусь к вам на помощь.

– Обязательно свистну, – пообещала Варламова.

«Славный мальчик», – подумала она, глядя, как он сбегает с лестницы.

Повернувшись, Мария заковыляла прочь. Прошла несколько шагов, но тут кто-то ее окликнул:

– Мария Степановна!

Мария остановилась. Перед ней возник долговязый молодой мужчина с веселым лицом. Волосы растрепаны, словно он только что встал с постели. На лице – двухдневная щетина, редкая и рыжеватая.

– Простите, а мы с вами...

– Незнакомы, – сказал долговязый мужчина. – Но виделись мельком на кафедре. Сегодня утром.

– Вот оно что.

– Меня зовут Игорь. Игорь Иванович Ковалев. Я преподаю теорию прогнозирования. Прогуливаетесь по ГЗ?

Мария кивнула:

– Да. У вас тут целый город.

– Не то слово! В нашем здании можно жить месяцами, не высовывая нос наружу. – Он улыбнулся добродушной улыбкой чудаковатого ученого. – Знаете, Мария Степановна, а ваш спецкурс стал для нас, преподавателей, полной неожиданностью.

Мария, исподволь разглядывая коллегу, кивнула:

– Да, я уже слышала.

– Завадский принял очень экстравагантное решение, пригласив вас, и мы...

– А на него не слишком похоже, да?

Ковалев улыбнулся и кивнул:

– Именно так. Мария Степановна, вы только не обижайтесь, но я нашел о вас кое-какую информацию в Интернете...

«Вот оно, – с досадой подумала Варламова, – началось».

– А ваша обязанность на кафедре – собирать информацию о преподавателях? – поинтересовалась Мария с едва заметной иронией.

Улыбка сползла с губ Ковалева.

– Что вы, совсем нет, – с легкой обидой проговорил он. – Просто ваше лицо показалось мне знакомым. А Завадский не потрудился ничего нам о вас рассказать. Вот я и решил...

– Если вы не против – поговорим на ходу? – предложила Мария. – Мне тяжело стоять на одном месте.

Ковалев покосился на черную трость Марии и поспешно согласился:

– Да. Конечно.

И они медленно двинулись по коридору. Несколько секунд шли в молчании. Ковалев явно не знал, как продолжить разговор. Мария не спешила прийти ему на помощь. Наконец мужчина спросил:

– Вы еще не были в нашем букинистическом магазине?

– Нет, – ответила Мария.

– Зря. Обязательно зайдите. Иногда там попадаются очень интересные книги. Своего рода раритеты. Вы вообще первый раз в ГЗ?

– Да. – Мария остановилась и взглянула на Ковалева снизу вверх. – Слушайте, мне чертовски хочется курить. Что если мы выйдем на улицу?

– Конечно. Разумеется.

Спустя несколько минут они стояли на широком гранитном крыльце клубного входа.

Мария выпустила изо рта облачко табачного дыма, подняла голову и взглянула на ряды темных окон, уходящих ввысь.

– Никогда не могла понять, как люди способны построить такое, – с тихим восхищением проговорила она.

– Да, здание грандиозное, – согласился Ковалев.

– Я читала, что его строили немецкие заключенные. Правда?

– Говорят, что да.

Поглядывая на главное здание, Ковалев сунул палец в рот и принялся грызть ноготь. Движение было настолько мальчишеское, что Мария не удержалась от улыбки.

– А правда, что когда заключенные умирали, то их, чтобы не тратить время на спуск тел, просто замуровывали в стены? – спросила она.

Ковалев взглянул на нее весело.

– Да, есть такая легенда. Но я в нее не верю.

– А еще говорят, что в толстых стенах высотки множество пустот и из них складываются целые лабиринты.

Ковалев мотнул по-мальчишески кудлатой головой.

– Не уверен, что так. Думаю, все это – часть мифов о ГЗ. Вот вы, например, что-нибудь слышали про Темную комнату?

Мария на секунду задумалась, после чего качнула головой:

– Нет.

– Одна из здешних сказок. Якобы под высоткой есть множество потайных туннелей и лабиринтов. И в одном из них существует некая комната, где обитает Зло. Что-то вроде дыры в пространстве. Или, точнее, дверцы, ведущей в Ад. Легенда гласит: если найти ту комнату, можно заключить договор с дьяволом.

– Продав ему душу? – уточнила Мария.

Ковалев кивнул:

– Возможно. Условий сделки никто не знает.

Мария выпустила изо рта новое облачко дыма и посмотрела, как оно расплывается в воздухе. Солнце зашло за облака, и на улице слегка похолодало. Деревья еще не были го-

лыми, но листва ощутимо поредела.

– Подобные мифы есть в каждом большом здании, – сказала она, сдвинул брови.

– Да... Конечно. – Собеседник снова улыбнулся, но на сей раз улыбка его была виноватой. – Мария Степановна, вы так соблазнительно курите, что и мне захотелось. Не угостите сигаретой?

Мария вынула из пачки сигарету и протянула Ковалеву. Он сунул ее в рот, вытащил из кармана зажигалку, закурил. Потом, запрокинув голову, медленно выпустил изо рта целое облако дыма и стал втягивать его носом. У Марии сдавило сердце. Бог знает почему, но этот тридцатилетний чужак вдруг напомнил ей сына...

Ковалев тем временем продолжил разговор. И, похоже, перешел к самой сути.

– Мария Степановна, я наткнулся в Интернете на ваше интервью и... В общем, хотел спросить: вас действительно посещают видения?

– Не уверена, что слово «видение» подходит. Я была бы рада считать это... ну, хотя бы галлюцинациями.

– А чем вам не нравится слово «видение»?

– Оно слишком пафосное. В Средние века людей, подобных мне, называли визионерами. И к ним относились вполне уважительно. Впрочем, тогда было другое время. Вы рассказывали кому-нибудь о том, что прочитали в той статье?

Он помотал головой:

– Нет. Более того – уверен, что, кроме меня, никто из нашего коллектива ее не видел.

– Но вы ведь видели.

– На нашей кафедре я – самый любопытный, – весело сообщил Ковалев.

Он сделал паузу, чтобы затянуться, и выпустил дым изо рта тонкой свистящей струйкой. И вновь сердце Марии защемило.

– Я бы не хотела, чтобы люди обсуждали это, – глухо проговорила она, стараясь справиться с собой. – Понимаете?

– Понимаю, – кивнул Ковалев. – Постараюсь удержать свое знание в тайне. Но имейте в виду, что кое-кому ваше появление на факультете стало, что называется, поперек горла.

– Да... наверное...

– Вы хотите услышать их доводы?

– Хотелось бы.

Размахнувшись, Ковалев швырнул сигарету в громоздкую урну. Затем повернулся к Марии.

– Видите ли... – Он слегка замялся и перевел взгляд на свой обгрызенный ноготь, словно прикидывая, откусить от него еще кусочек или оставить все как есть. – Некоторые мои коллеги считают, что кафедра не должна превратиться в прибежище для шарлатанов.

– Они так обо мне?

– Вы – явление временное. Но они расценивают ваше появление на кафедре как первый «тревожный звоночек».

Мария помолчала, глядя на слегка покачивающиеся под ветром кроны деревьев.

– Надеюсь, мне дадут дочитать спецкурс? – тихо проговорила она.

– Уверен, что да. Но при условии, что через месяц вы исчезнете и больше никогда не появитесь в наших стенах. – Ковалев взглянул на часы и сказал: – Мне пора на лекцию. Надеюсь, у нас еще будет возможность поговорить.

– Конечно.

– Мне очень интересно было с вами познакомиться. Увидимся!

Он резво, по-мальчишески, повернулся на каблуках и исчез за дверью.

Мария отшвырнула окурок и еще немного постояла, вдыхая прохладный осенний воздух, потом повернулась и, опираясь на палку, заковыляла к двери. До открытия театральной студии оставалось еще полчаса. Она решила навеститься в видеопрокат и поговорить с человеком, выдающим диски с фильмами.

За стойкой видеопроката сидел русоволосый парень с толстым, одутловатым лицом и странными, выпуклыми и очень светлыми, почти белыми, глазами. На вид ему было лет двадцать восемь – тридцать.

Толстяк заполнял какие-то карточки. Мария захромала было к нему, но вдруг увидела, что ее опередили – к стойке подошел пожилой мужчина в синем, сильно поношенном халате.

Уваленъ за стойкой поднял взгляд, и они с женщиной обменялись парой фраз, после чего мужчина быстро достал из кармана журнал и протянул его толстяку. Тот взял журнал и быстро спрятал его в ящик стола. Вид у обоих был вороватый.

«Это что еще за игры?» – с любопытством подумала Варламова.

Она почувствовала непреодолимое желание подойти к столу, открыть ящик, вынуть журнал и хорошенько его встряхнуть. Интересно, что бы она нашла между страницами?

Дождавшись, пока мужчина отойдет, Мария направилась к стойке.

На лацкане пиджака толстяка красовалась карточка с надписью: «Арсений Лосев».

– Добрый день, Арсений, – приветствовала она увальню.

Тот глянул на нее снизу вверх своими выпуклыми глазами и кивнул:

– Здравствуйте.

Мария запустила пальцы в лоток с карточками и стала просматривать названия фильмов. Некоторое время парень молчал, затем поинтересовался:

– Ищете что-то конкретное?

– Да нет, просто смотрю, – небрежно ответила Варламова.

Он еще немного помолчал, угрюмо разглядывая ее. Потом сказал:

– Есть несколько свежих фильмов. Боевик с Брюсом Уиллисом и комедия с Джимом Керри.

– Хорошо. Но я больше люблю триллеры.

– Триллеры? – Увалень облизнул губы толстым языком. – Свежих триллеров нет.

– Правда? Жаль. – Мария оставила в покое карточки и взглянула на Лосева. – Вы давно здесь работаете?

Увалень посмотрел на нее удивленно.

– Два года... А что?

– Ничего. У вас единственное место в ГЗ, где можно взять напрокат фильм?

Лосев подозрительно прищурил бесцветные глаза:

– А вам что-то не нравится?

Варламова дернула острым плечом:

– Вовсе нет. Просто интересуюсь. Я здесь человек новый.

Угрюмый взгляд исподлобья, а затем:

– Аспирантка?

Мария покачала головой:

– Нет, но спасибо за комплимент. Я читаю спецкурс на техническом факультете. А живу здесь, в ГЗ. В секторе «Г».

– Недалеко отсюда, – сказал Лосев.

– Да, совсем рядом. Думаю, я буду часто брать у вас фильмы.

Мария опустила взгляд на коробку с карточками и снова стала неторопливо перебирать их.

– Кстати, насчет триллеров, – заговорила она после паузы. – Я слышала, тут у вас недавно сгорел студент.

Уваленъ сперва удивленно вскинул брови, потом нахмурился.

– Почему вы сказали, что это «кстати?» – угрюмо осведомился он.

– Ну... – Мария поняла, что сплеховала, и попыталась исправить ситуацию. – Возможно, я просто неправильно выразилась. Дело в том, что живу недалеко от блока, в котором погиб этот юноша. Блок опечатан. Странно, что в нем до сих пор никто не живет.

– А вы бы согласились там жить?

Мария сдвинула брови, задумалась на пару секунд, после чего отрицательно качнула головой:

– Нет. Пожалуй, не согласилась бы. Но я не думаю, что коменданта общежития волнуют такие нюансы.

Некоторое время Лосев подозрительно разглядывал ее лицо, словно пытался найти в нем что-то такое, что могло бы смягчить неприятное первое впечатление. Потом ошарашил ее вопросом:

– Вы частный сыщик?

Мария справилась с изумлением и ответила:

– Нет. А вы?

На лице Лосева не было и тени улыбки.

– Я – хозяин видеопроката. А по утрам подрабатываю грузчиком в нашей столовой. Если вы не частный сыщик, то почему все время спрашиваете?

Вопрос был резонным. И он требовал ответа.

– Нет, я не частный сыщик, – сказала Мария как можно мягче, – но я знакома с матерью погибшего юноши. И женщина не верит в то, что ее сын покончил жизнь самоубийством.

Лосев тупо посмотрел на стол, вновь поднял взгляд на Марию и буркнул:

– Почему?

– Потому что есть много других, менее болезненных и страшных способов убить себя.

Лосев обдумал ее реплику.

– Возможно, другие способы его чем-то не устраивали, – предположил он затем. – Может быть, парень хотел, чтобы о нем подольше помнили? Люди забывают тех, кто вызвал у них жалость, но никогда не забывают тех, кто сумел их на-

пугать.

– Интересная точка зрения. – Мария отметила про себя, что парень, должно быть, не так глуп, как кажется. – Скажите... м-м... Арсений, а тот студент часто брал у вас фильмы?

Лосев кивнул:

– Угу.

– А что это были за фильмы?

И вновь в его сонном взгляде промелькнуло подозрение.

– Вы странно разговариваете, – как будто бы даже с обидой проговорил он. – Говорите, что не сыщик, а сами все время задаете вопросы. Может, у вас под кофточкой есть микрофон?

Уволень устался на грудь Марии.

– Никакого микрофона у меня нет, – с улыбкой отозвалась Мария. – А вопросы я задаю, потому что страшно любопытна. Впрочем, как все женщины.

– Тот студент, – прогудел Лосев, – был очень странный. И у него была тайна.

– Какая?

Лосев оторвал наконец взгляд от груди Марии, посмотрел ей в лицо и облизнул губы.

– Вы хотите, чтобы я вам рассказал?

– Да.

– Мы могли бы обсудить это в более интимной обстановке. В каком блоке вы живете?

– Вы что, собрались прийти ко мне в гости? – удивилась

Мария.

– Угу. А вы хотите?

– Я рано ложусь спать. И не люблю гостей.

Лосев насупился.

– Почему вы не хотите? – спросил он, не скрывая обиды. –

Я хороший парень. А вы одинокая. Сразу видно.

– И что?

– Ничего. Просто вы одинокая. А я бы мог стать вашим другом. И мне плевать, что вы хромаете.

Мария усмехнулась.

– Очень милосердно с вашей стороны, но я предпочитаю дружеские отношения любовным.

Увалень помолчал, пытаюсь вникнуть в смысл последней фразы. Затем, посчитав, видимо, что крепость не так недоступна, как хочет казаться, глянул на Марию, прищурившись, и вдруг сказал:

– Я знаю, как сделать женщине приятно. Я посмотрел много фильмов... таких... ну, вы понимаете.

– Понимаю, – кивнула Мария. – Что ж, ваше предложение весьма заманчиво. Но недавно я пережила развод и пока не готова к новым отношениям. Обещаю: если мне снова понадобится мужчина, я обязательно вспомню о вас.

Увальню ее слова понравились. По крайней мере, он их понял.

– А теперь расскажите мне о Коле Сабурове, – потребовала Варламова.

Лосев помолчал немного, обдумывая ответ. Должно быть, где-то читал или слышал, что мужчина должен заинтриговать женщину при первом знакомстве. И он сделал попытку.

– Этот парень... – глухо проговорил верзила, – он брал странные фильмы.

– Какие?

Лосев чуть подался вперед и проговорил, выпучив глаза:

– Страшные. Триллеры, ужастики. Но он смотрел их не для того, чтобы пугаться.

Мария опешила.

– Тогда для чего?

– Он говорил, что в каждой лжи есть частичка правды. И что писатель или сценарист не берет свои идеи и сюжеты ниоткуда. Сюжеты ему *диктуют*.

– Кто диктует? – не поняла Варламова.

Лосев вздохнул и пожал покатыми плечами.

– Этого я не знаю.

Мария несколько секунд пристально вглядывалась в лицо собеседника, потом облегченно вздохнула. За тридцать четыре года жизни ей пришлось повидать огромное множество идиотов. Данный экземпляр был далеко не оригинален. Она усмехнулась, и Лосев мгновенно среагировал.

– Вы улыбаетесь? – недоуменно проговорил он. – Не верите мне?

– Если честно, то не очень.

Лосева ее заявление, похоже, ничуть не смутило.

– Мертвецы уносят свои тайны под землю, – изрек он гулким голосом греческого оракула. – Они...

Вся обратившись в слух, Мария ждала дальнейшей информации, но ее не последовало. Еще несколько секунд уважень сверлил посетительницу водянисто-голубыми глазами, затем откинулся на спинку стула и пододвинул к себе карточки.

– Мне нужно работать, – пробормотал он. – Не забудьте про свое обещание.

И уткнулся взглядом в свою коробку.

Мария пожала плечами и заковыляла прочь.

Странная женщина, размышлял Лосев, ковыряясь в карточках. Говорит, что не сыщик, а сама расспрашивает. Может, рассказать о ней Реброву? Да, надо сказать. А вдруг Ребров убьет ее?

Лосев представил себе, как Ребров убивает эту женщину, и поежился. Это было страшно, а он не любил страшные вещи. Он и того мальчишку на инвалидной коляске не любил – лишь за то, что тот брал только страшные фильмы.

Каким же больным гадом нужно быть, чтобы все время смотреть такие фильмы! Уж лучше смотреть на голых девочек. Неважно, что они делают, лишь бы были голыми.

Толстые пальцы Лосева замерли. Он задумчиво улыбнулся своим мыслям.

– Лосев! – окликнул его кто-то.

Арсений вздрогнул и поднял взгляд. Перед ним стояла та самая женщина: худощавое лицо, серые глаза, ежик тронутых сединой волос, в руке – трость.

Лосев несколько раз моргнул, словно не верил своим глазам.

– Вы? – пробормотал он. – Что вам нужно?

– Я приняла решение.

– О чем вы говорите?

Она улыбнулась.

– Ты сказал, что умеешь угодить женщине. Вот я и подумала: может, поднимемся ко мне в комнату?

Лосев несколько раз моргнул.

– Прямо сейчас? – неуверенно проговорил он.

Посетительница пожала плечами:

– А почему бы и нет?

– Но я... работаю.

– Иногда приходится выбирать между работой и жизнью. – Мария обошла стойку, присела на край стола и посмотрела ухмыльнувшись в его сонные глаза. Негромко проговорила: – У меня очень давно не было мужчины. Ты тоже не похож на человека, избалованного женским вниманием.

– Да, но я...

– Ты хочешь или нет?

– Да... но...

Мария поднялась со стола, повернулась, чтобы идти, но вдруг пошатнулась и стала заваливаться на Лосева. Он замычал что-то невразумительное, неуклюже обхватил ее руками за талию, помог ей подняться.

– Спасибо, – буркнула Мария, выпрямилась и, опираясь на трость, захромала прочь.

Челюсть Лосева медленно отвисла.

– Куда вы? – громко окликнул он.

– Мне пора, – обронила через плечо Мария.

– А как же наше свидание?

– Ты слишком долго думал.

Мария отходила все дальше от стойки, оставив Лосева в недоумении. В кармане у нее похрустывал конверт, который она вынула из журнала, запустив пальцы в приоткрытый ящик стола Лосева.

Зайдя за угол, Мария достала конверт и приоткрыла. И увидела глянцевые краешки фотографий. Ухватившись худыми пальцами за краешек верхнего снимка, слегка вытащила его из конверта. Губы Марии сомкнулись и слегка побелели, а лицо, и без того худое, осунулось еще больше.

Глядя на снимок, Варламова облизнула пересохшие губы кончиком языка, затем быстро вложила фотографию обратно в конверт, а конверт сунула в карман.

Опираясь на трость, Мария достала из кармана платок и вытерла вспотевший лоб. Подумала, злясь на саму себя: «Любопытство может завести человека гораздо дальше, чем он рассчитывал. И может закончиться для него очень и очень плохо».

* * *

Мария шагала через холл центрального корпуса ГЗ. Мраморные колонны, под ногами – мраморная мозаика. Мраморные ступени, уходящие на второй этаж, а там, наверху, виднеется бронзовый памятник одному из отцов российской науки.

Вокруг – толпы студентов. Кто-то бежит по делам, кто-

то разглядывает афиши, кто-то изучает книги на книжном развале, кто-то покупает диски известных рок-поп-рэп и еще черт-те каких групп.

Вдруг у Марии закружилась голова. Она шмыгнула носом, поднесла к нему пальцы, затем взглянула на них и увидела кровь. У нее пошла носом кровь! Признак приближающегося видения. Неужели прямо сейчас – здесь, среди белого дня, в самой гуще народа? Не может быть! Ведь никогда не происходило так.

Мария достала из сумочки платок и приложила его к носу. И вдруг ощутила легкую вибрацию, словно сквозь нее проходили какие-то теплые невидимые потоки. Она заспешила прочь из холла, быстро пересекла коридор, но вдруг остановилась и с ужасом посмотрела вокруг.

Это началось!

Люди вдруг исчезли. В холле еще некоторое время стоял гул голосов, и при отсутствии источника звука – людей – звучал он страшно и нелепо. Затем наступила полная тишина.

И тут же все, что видела Мария, начало меняться. Солнечный свет потускнел, штукатурка на стенах холла стала скукоживаться и обсыпаться. Мрамор под ногами потемнел и покрылся трещинами. Деревянные прилавки киосков и книжных развалов также потрескались и перекосились. А в следующую секунду на высокие окна снаружи напоззла выющаяся порось, стены с обнаженной кое-где кирпичной кладкой подернулись зеленоватой плесенью.

В холле воцарился полумрак. Где-то звякнуло стекло, и по ногам потянуло сквозняком. Затем щеки Марии коснулось дуновение ветра, словно недалеко распахнули окно. По углам, подобно порванным рыболовным сетям, заколыхались ошметки паутины.

Мария осторожно пошла вперед. Шаги ее в затхлой пустоте покореженного и заплесневевшего холла звучали гулко и безотрадно. Где-то далеко послышался странный звук, похожий на легкий скрип. Будто кто-то катил перед собой тележку. Мария остановилась.

– Кто здесь? – осторожно спросила она.

Голос ее эхом отдавался от стен коридора. В здании стояла тишина, но в ней Марии почудилось ожидание. Как будто кто-то замолчал, наблюдая за ее движениями.

Она снова тронулась с места, и странный звук послышался вновь. Мария опять остановилась как вкопанная. Этот звук буквально сковал ее.

Мария много знала о своих способностях. Она была уверена в том, что справится с любой жизненной ситуацией, особенно когда дело касалось собственных видений, в которых она была полновластной хозяйкой. Но тут ее почему-то пронзило острое чувство страха.

Воцарилась тишина.

– Кто здесь? – снова окликнула Мария.

И опять раздался холодящий, скрипящий звук. В темном коридоре что-то двигалось. Варламова пока ничего не виде-

ла, но слышала странное поскрипывание. И вдруг вновь наступила тишина. Ни звука.

Ветер утих и больше не бился в окна. Мария задержала дыхание. Если в коридоре или в холле было какое-нибудь живое существо, то оно затаилось так же, как и она сама.

Теперь странный звук раздался прямо у нее за спиной. Мария обернулась и обомлела. По коридору катилось инвалидное кресло – катилось само собой, неторопливо, ровно...

Неожиданно стены коридора ожили, заходили ходуном, вздулись мягкими пузырями. Мария с ужасом осознала, что это не просто пузыри, а человеческие лица. Они раскрывали рты и метались, стараясь прорвать тонкую грань, отделяющую их мир от мира Марии. Из стен к ней потянулись руки, зацарапали ногтями изнанку мягких стен, пытались найти трещину или прореху. Она услышала многоголосый человеческий стон – стон боли, отчаяния и жажды мести.

Мария поняла: еще немного – и она сойдет с ума.

– Нет! – вырвался из груди крик, Варламова зажмурилась и заткнула уши.

– Мария Степановна! Вы меня слышите?

Туман рассеялся, и она увидела суровое, смуглое, испещренное мелкими морщинками лицо заведующего кафедрой.

– Максим Сергеевич... – выдохнула Мария.

Завадский нахмурился.

– С вами все в порядке?

– Да... – Мария коснулась лба тыльной стороной ладони. Лоб был холодный как лед. Она слабо улыбнулась: – Не волнуйтесь... со мной иногда такое случается.

Она огляделась и с удивлением уставилась на дверь кафедры.

– Я возле кафедры?

Холодные глаза Завадского сузились:

– Вы не помните, как сюда пришли?

– Помню... Конечно, помню.

– Хотите, отведу вас к врачу?

Мария отрицательно качнула головой:

– Нет. Мне уже лучше. Просто... немного голова закружилась.

Мужчина вперил в нее суровый взгляд. Мария в ответ неуверенно улыбнулась, спросила:

– Мне показалось, или я вижу в вашем взгляде недовольство?

Ответ последовал незамедлительно:

– Возможно, я не слишком четко сформулировал свою позицию. Так вот, я не очень доволен вашим пребыванием здесь.

– Тогда почему же вы согласились утвердить мой спецкурс в рамках кафедральных занятий?

– Вероятно, потому, что до сих пор не научился отказывать начальству.

– По вам этого не скажешь.

– Внешность обманчива.

Мария взглянула на часы.

– Максим Сергеевич, простите, но мне нужно идти.

– Да, – отступил он в сторону, давая ей дорогу, – идите, но помните, что я слежу за вами. Если вы допустите малейший просчет, я избавлюсь от вас без всяких сожалений.

Мария усмехнулась.

– Что мне нравится на вашей кафедре, так именно то, что все играют с открытыми картами.

– Это не игра, – заверил ее Завадский. – Когда-то вы были актрисой, но здесь университет, а не театр. И перед вами не публика, а студенты, будущие специалисты, от которых зависит благосостояние и конкурентоспособность нашей страны.

– Спасибо, что просветили. Я постараюсь запомнить.

– Сделайте милость. – Завадский помолчал, хмурия брови. – Я слышал, что вы собираетесь возобновить работу театральной студии.

– Да. Я уже получила разрешение.

– Перед вами открываются все двери?

– Не все, но почти все. Такой уж у меня дар.

– Тогда постарайтесь использовать ваш дар на благо кафедр. Честь имею.

Завадский повернулся и, заложив руки за спину, зашагал по коридору. Во всем его облике читалось жуткое недовольство, однако Мария смотрела ему вслед с улыбкой. Несмотря на угрюмость и раздражительность, Завадский ей понравился. По крайней мере, он не лицемерил и не пытался сгладить острые углы благожелательной миной и ободряющим словом.

Мимо, не заметив Варламову, задумчиво прошла Вика, что Марии показалось странным. В конце коридора Вика окликнула Завадского, тот остановился и что-то довольно резко сказал ей. Вика в ответ неуверенно улыбнулась и начала что-то быстро ему говорить. Завадский отрицательно мотнул головой, повернулся и быстро зашагал прочь. Вика секунду или две стояла, затем вздрогнула и засеменила за ним. Еще секунда – и оба скрылись за углом.

Мария задумчиво сдвинула брови. Что-то забрезжило на самой изнанке ее сознания, какая-то догадка, но Мария была слишком занята другими мыслями, чтобы попытаться ее сформулировать.

На подходе к репетиционной Марии снова встретился

этот странный черноволосый мальчик с проколотыми ушами и подведенными глазами. Гот.

Он внезапно встал у нее на пути.

– Мария Степановна, простите, что отвлекаю, но я хотел поговорить с вами о Насте Горбуновой.

– О Насте?

Как же его зовут... Какое-то странное и редкое имя... Кажется, Антип?

– Она не была на вашем занятии, потому что плохо себя чувствовала. У Насти больные суставы.

– Да, я слышала. Кажется, у нее артрит?

– Врожденное заболевание суставов. Вы не должны быть к ней слишком строги. Если она и бесится, то только из-за своей болезни. У нее железный характер и – глиняные суставы. Тут кто угодно взбесится, правда?

– Да... – ответила Мария рассеянно. Она хотела идти дальше, но вдруг спросила: – Ты был знаком с Колей Сабуровым?

Антип кивнул:

– Да. Он был странным парнем.

– Что же в нем было странного?

– Ну... – Антип пожал плечами. – Его презирали и побаивались одновременно.

– По-твоему, это странно?

– А по-вашему, нет?

Мария машинально потянулась в карман за сигаретами.

Рука наткнулась на хрустнувший конверт с фотографиями, которые она взяла (украдала? стащила?) из стола толстого увальня Лосева.

Еще одно незаконченное дело. Но ничего, время еще есть. И было бы неплохо разобраться прямо сейчас. Попробовать? Она достала из кармана конверт, вынула кончик верхней фотографии и показала его Антипу.

– Взгляни-ка. Не знаешь, где сделаны эти фотографии?

Антип уставился на верхний фрагмент снимка и поскреб пятерней в затылке.

– Что-то знакомое... Но вот что?

– Похоже на шкафчики раздевалки, верно? – натолкнула его на мысль Мария.

Антип преобразился.

– О черт! А я сразу и не понял. Да, это раздевалка бассейна. А что на фотографии?

– Неважно.

Мария убрала конверт назад в карман кофты.

– Прости, мне нужно идти, – сказала она.

Трость резво застучала по мраморному полу. Мария чувствовала, что Антип озадаченно смотрит ей вслед.

Шагая по коридору ГЗ, Мария поймала себя на том, что с опаской поглядывает на стены. Теперь, после своего жутковатого видения, она знала, что слухи о замурованных в стены зэках имеют под собой некоторые основания.

Через несколько минут Мария была на месте. Останови-

лась и посмотрела по сторонам. Рядом, лениво о чем-то переговариваясь, торчали два парня.

– Простите, – обратилась к ним Мария, – можно вас спросить?

Парни взглянули на нее.

– Куда ведет эта лестница? – спросила Варламова и указала тростью на узкую лестницу, ведущую вниз.

– Как куда? – удивленно проговорил один из парней. – В бассейн.

– В самом деле, я совсем забыла, что в ГЗ есть бассейн... – Мария улыбнулась. Посмотрела в сторону лестницы и задала следующий вопрос: – Там есть и раздевалки, верно?

Парни переглянулись.

– Само собой. Вам помочь спуститься?

– Нет-нет. Спасибо.

Парни вновь переглянулись, пожали плечами и двинулись к стеклянной вертушке выхода.

Мария глядела вниз, на уходящие в полумрак подвала крутые ступеньки лестницы, и кусала губы. Для нее это было непреодолимое препятствие.

А в тот же момент в маленькой комнатке студенческого общежития происходил важный разговор. Настя Горбунова сидела на краешке стола и строго смотрела подведенными глазами на Вику Филонову, сидевшую на кровати.

– Почему ты не хочешь? – резко спросила она.

– Потому что не люблю, когда кто-то заигрывает со смертью, – отозвалась Вика и отхлебнула из алюминиевой банки с каким-то алкогольным фруктовым коктейлем.

Настя презрительно посмотрела на банку. Сама она пила только пиво и терпеть не могла всякие искусственные коктейли в красивых баночках. Затем девушка перевела взгляд на Вику и сухо проговорила:

– Это будет весело.

Вика сделала еще несколько глотков.

Антип перехватил взгляд, каким Настя смотрела на Вику. Прямо как кошка, изогнувшаяся перед решающим прыжком. Впрочем, с ее артритом не слишком-то попрыгаешь, подумал Антип. Иногда по утрам Настю так скручивало, что она даже зашнуровать ботинки сама не могла. А случилось и еще хуже – буквально не могла подняться с кровати, не выпив целую горсть таблеток.

К горлу Антипа, как часто бывало, подкатила жалость. За что Бог так наказал ее? За какие такие грехи девушка испы-

тывает адскую боль?

– Может, тебе хватит пить? – холодно спросила Настя.

Вика тряхнула пышными каштановыми волосами и ответила:

– Я не пьяна.

– Я этого и не говорила.

– И правильно сделала. Я никогда не пьянею. Я не готка.

Несколько секунд девушки смотрели одна на другую в упор. Антип молча наблюдал за их бессловесным поединком со стороны.

Он вдруг отметил, что у Вики, как и у Насти, зеленые глаза. Но на том их сходство и заканчивалось. Внешность Вики говорила об ее утонченности и благосостоянии. Ничего подобного у Насти не было. Притом что ее темные волосы тщательно причесаны, она имела мрачный и диковатый вид. Широкоскулое лицо с короткой верхней губой и небольшим ртом перегружено траурной косметикой – глаза густо подведены тушью, на губах темная помада. В носу поблескивала бриллиантовой точкой крошечная серьга. Еще несколько сережек блестели в проколотой левой брови.

Антип знал, как их, готов, называют одноклассники. «Некрасивые дети бедных родителей» – вот кем они были для местных мажоров. Впрочем, его это никогда не напрягало.

Вика Филонова выглядела полной противоположностью Насти. Она была из тех девушек, о которых мечтают и кото-

рых хотят. Тонкая талия, высокая грудь, ухоженные волосы. Но Антипу она совсем не нравилась.

Вика допила коктейль, поставила пустую банку на пол и поднялась, поправляя юбку.

– Мне не нравится то, что вы задумали, – заявила она. – И мне не нравитесь вы. С такими, как вы, обязательно попадешь в неприятности.

Настя посмотрела на Вику, и Антип заметил в ее глазах злой огонек.

– Все уже согласились участвовать, – обобщала Настя. – Не хватает только тебя.

Вика усмехнулась уголками алых, соблазнительных губ.

– Не знаю, как вы, а я не люблю ходить в стаде. Слово «все» для меня ничего не значит. Все, мне пора.

Она пошла к двери.

– Но ты не можешь отказаться, – сказала вдруг Настя.

Вика взглянула на нее удивленно.

– Почему?

– Ты слишком много знаешь, – мрачно изрекла Настя. – Если ты откажешься, мы должны будем тебя убить.

Красивое, ухоженное лицо Вики вытянулось. Антип кашлянул в кулак, чтобы сдержать смех.

– Да не напрягайся ты, – весело обронил он. – Это шутка.

Вика облегченно вздохнула.

– Блин, шуточки у вас...

– Готские, – пояснил Антип.

– Идиотские, – поправила Вика.

Она достала из кармана пальто длинный розовый шарф и обмотала им шею. Затем надела пальто. Уже в дверях вдруг обернулась и посмотрела на Настю.

– Рассказывать я никому не стану. Так что, если вас застукают, я здесь ни при чем, – заявила напоследок и вышла из комнаты.

Когда шаги ее затихли, Настя не выдержала:

– Господи, что за тупая, эгоистичная, самовлюбленная сучка!

Антип улыбнулся.

– По-моему, ей просто запахло связываться с таким отребьем, как мы.

Настя презрительно фыркнула:

– Граубергеру не запахло, Малевичу с Жировым и даже Бронникову тоже. А ей, видите ли, запахло.

– Для парней это просто веселое развлекалово под пиво. А Вика Филонова – трусиха. Она просто трусит.

Настя сжала кулаки, но тут же испуганно разжала их и поморщилась от боли – артрит дал о себе знать.

– Она согласится, – процедила Настя сквозь зубы. – Придет в последний момент – вот увидишь.

Настя сползла с края стола, повернулась к окну и уставилась на морозящий дождь. Антип смотрел на спину подруги и улыбался. Она была славная. В сущности, добрая и умеющая посмеяться над несуразностями жизни.

Они сошлись после смерти Коли Сабурова. Их объединила общая беда. А до того почти не общались. Никто на факультете не подозревал, что у Коли Сабурова есть девушка. Никто не мог представить, что в мире существует девушка, которая ляжет с калекой Сабуровым в постель. Но такая девушка была. И она стояла сейчас перед Антипом.

Иногда он пытался представить, как это у них было? Ну, чисто с технической стороны. Настя помогала Сабурову перегрузиться из инвалидной коляски в постель? Может быть, она даже помогала ему принимать ванну или душ? Возможно. Скорей всего, они сошлись на почве уязвимости. Он – на инвалидной коляске, она – со своим невыносимым и неизлечимым артритом.

Настя продолжала стоять у окна и задумчиво смотреть на капли дождя. Никаких резких слов, никаких колючих иголок. Именно такие моменты, пусть крайне редкие, делали их партнерство приятным для Антипа. И он надеялся, что таких моментов будет все больше, и, быть может, однажды партнерство перерастет в нечто большее.

Пока же, как и обычно, перемена в ней оказалась кратковременной. Настя отвернулась от окна со словами:

– Ладно. С Викой или без, но мы сделаем это. Мы обещали ему, помнишь?

Антип кивнул:

– Конечно. Я все помню. – По лицу его пробежала легкая тень. – Но, честно говоря, я думал, что он шутит.

– Коля никогда не шутил.

Антип нахмурился.

– Насть, по-моему, ты придаешь его словам слишком большое значение. Мало ли что может брякнуть человек...

– Я не хочу это обсуждать, – оборвала его Настя. – Мы обещали сделать, и – сделаем.

Она снова отвернулась к окну. Помолчала немного, глядя на испещренное дождевыми каплями стекло, и вдруг сказала:

– Это глупо, конечно, но я и сама немного побаиваюсь.

– Так давай отменим, – с надеждой проговорил Антип. – Давай просто забудем об этом – и все.

Настя на секунду задумалась, потом отрицательно качнула головой:

– Нет. Поздно что-то менять.

– Но ведь все равно глупость! – в сердцах проговорил Антип. – Ты же не веришь, что сработает?

Настя обернулась (на фоне светлого квадрата окна ее хрупкий силуэт показался Антипу зловещим).

– Через несколько часов мы об этом узнаем, – просто сказала она.

Возразить Антипу было нечего.

Мария взглянула на собравшихся ребят. Здесь была вся ее группа, за исключением Насти Горбуновой. Виктор Бронников – высокий, широкоплечий, белокурый красавец с лицом римского патриция и холодным взглядом. Темноволосый красавчик Стас Малевич и его неизменный спутник Денис Жиров, румяный, конопатый, похожий на циркового силача. А вот Эдик Граубергер – кудрявые волосы, маленькая кучерявая бородка, рассеянные глаза за толстыми стеклами очков. И, наконец, красавица Вика. Она единственная из всех смотрела на Марию с искренним и нетерпеливым любопытством. По-видимому, девушке не терпелось сыграть Офелию.

Но начали они с обсуждения другой сцены – встречи Гамлета с призраком.

– По-моему, говорить стихами глупо и несерьезно, – с ходу заявил Виктор Бронников.

– Глупо? – удивилась Мария.

– Он хотел сказать: неправдоподобно, – вступился за одноклассника Эдик Граубергер и вдруг предложил: – А давайте попробуем сыграть то же самое, но прозой?

Мария усмехнулась.

– Прозой? Что ж, валяйте. Любопытно будет посмотреть, как у вас получится Эдик Граубергер и Виктор Бронников

вооружились книжками и приступили. Граубергер поправил пальцем очки, сделал страшное лицо и завыл:

– У-у-у!

– Кто ты? – нахмурившись, спросил его Бронников.

Граубергер тоже сдвинул брови и грозно прорычал:

– Я – призрак твоего отца. По ночам я скитаюсь по улицам, а днем горю в адском огне. Так будет до тех пор, пока все мои грехи не выгорят дотла! К счастью для тебя, мне запрещено рассказывать тебе о загробном мире. А если бы я тебе рассказал, ты бы поседел от страха!

– Ты точно призрак моего отца? – деловито осведомился Бронников.

Эдик Граубергер кивнул:

– Да. И я хочу с тобой поговорить.

– О чем?

Граубергер приосанился и торжественно изрек:

– Я умер не своей смертью. Меня убили. И теперь ты должен отомстить за меня!

Бронников выкатил на него удивленные глаза, присвистнул.

– Тебя убили? Но кто? Скажи, кто это сделал, и я отрежу ему уши.

Граубергер усмехнулся:

– Вижу, ты готов для мести. Так вот, знай: меня убил мой родной брат! Он же – твой дядя.

– Что? Мой дядя?

Граубергер кивнул:

– Да. Он убил меня, чтобы стать королем и переспать с моей женой. Мерзавец давно уже неровно к ней дышит.

– Я не верю своим ушам!

– Тебе придется поверить. – Граубергер поежился и с опаской глянул по сторонам.

– Что с тобой? – взволнованно спросил его Бронников.

– Ветром утренним пахло. Надо торопиться. Отомсти за меня, сын. Не дай постели датских королей служить кровосмешению и распутству!

Виктор подумал, кивнул и вдруг спросил:

– А как поступить с мамой? Ее я тоже должен...

Граубергер отрицательно мотнул головой:

– Нет. Ей хватит и мук совести. А теперь мне пора. Солнце уже всходит. Прощай, сын! И помни, что я тебе сказал!

Эдик Граубергер опустил книжку и весело взглянул на Марию.

– Ну, как?

– Терпимо, – улыбнулась Варламова.

Виктор Бронников тоже опустил книжку.

– Мария Степановна, – заговорил он со своей обычной холодноватой вежливостью, – а вам не кажется, что в пьесе много неточностей?

– Ты о чем? – не поняла Мария.

– О том, что Гамлет действительно больной и несчастный человек. Ему кажется, что он прикидывается сумасшедшим,

но он *на самом деле* сумасшедший.

В реплике Бронникова не было никакой озлобленности. Он просто высказал свою версию понимания истины, его глаза смотрели не мигая.

– Сумасшедший, который считает себя здоровым человеком, изображающим из себя сумасшедшего? – Мария прищурила серые глаза. – Это что-то новое. Не мог бы ты объяснить свою мысль?

– Пожалуйста, – пожал плечами Виктор. – Судите сами: Гамлет своими глазами увидел призрак отца. И не просто увидел, но внимательно его выслушал и тут же бросился выполнять его просьбу. А спустя несколько страниц Гамлет вдруг начинает рассуждать об «ином мире, откуда нет возврата». Что значит «нет возврата», когда он сам – *своими глазами* – видел своего умершего отца?

– Да... – озадаченно пробормотала Мария. – Я как-то не обратила на это внимания.

Виктор взглянул на нее снисходительно.

– Есть и другие неточности. Но дело даже не в них. Знаете, что меня больше всего бесит?

– Что?

– Гениальным литературным произведением считается пьеса, герой которой – сумасшедший. То есть – неполноценный.

– Ну и что? В наше время на экранах и театральных сценах полно неполноценных героев.

– В том-то и дело. В наше время неполноценность становится нормой. Даже более того – образцом для подражания. Вспомните фильмы, которые получают «Оскара». Они же все об инвалидах и ненормальных.

Мария пожала плечами.

– Бывают не только физические или психические уроды, бывают еще и уроды нравственные.

– Чушь, – скривился Бронников, – выдумка. Мораль – всего-навсего свод правил, которые выдумали люди. Завтра они выдумают что-нибудь другое.

Мария поняла, что без тяжелой артиллерии в споре не обойтись.

– А как насчет нравственного императива, о котором говорил Иммануил Кант? Если мне не изменяет память, философ считал, что представление о морали дано нам с самого рождения. По-твоему, Кант не прав?

– Бывают не только врожденные достоинства, но и врожденные болезни, – небрежно бросил Виктор. – По-моему, Кант сморозил глупость. От нее один шаг до признания существования Бога.

– А ты не веришь в Бога?

– Я не нуждаюсь в этой гипотезе.

– Достоевский где-то написал, что если Бога нет, то можно людей резать.

Виктор взглянул на нее холодно:

– Мария Степановна, мы слишком далеко ушли от Шекс-

пира. Что касается пьесы, то я настаиваю на своей точке зрения: только идиот может считать ее гениальным творением.

— В таком случае я — тот самый идиот, — с улыбкой сказала Мария. — Давайте продолжим репетицию...

Глава 3

1

После репетиции домой никому не хотелось, решили пойти в сквер – потусоваться, попить пива. Местом для тусовки выбрали один из фонтанов. Расселись на парапете и открыли банки.

– Однако прохладно сегодня для пива, – поежился красавчик Стас.

– Если хочешь, иди домой, – отозвался своим обычным холодноватым голосом Виктор.

Стас хмыкнул.

– Не самая лучшая альтернатива.

– Тогда пей и не возникай.

Пиво было прохладным и вкусным. Громила Жиров закурил сигарету.

– Черт, как домой неохота. Приду – опять начнется: покажи конспекты, покажи конспекты...

– Твои родители все еще не теряют надежды их когда-нибудь увидеть? – насмешливо осведомился Стас. – Вижу, четыре года их ничему не научили.

Жиров гоготнул, глубоко затянулся сигаретой и выпустил изо рта лохматое облако дыма. Порыв ветра отнес его в сто-

рону и развеял в воздухе.

– У каждого свои проблемы, – меланхолично заметил, сверкнув очками, Эдик Граубергер. В одной руке он держал банку с пивом, а другой прятал в шарф свою русую бородку. – У меня другая история. Стоит достать книгу, как папаша начинает ныть: иди погуляй, иди развейся, прошвырнись по городу... Делать мне больше нечего, как по улицам шляться! А однажды всучил мне двести баксов, чтобы я сходил в публичный дом. Представляете?

Красавчик Стас подмигнул Жирову и сказал:

– Эдик, все знают, что женскому белью ты предпочитаешь тонкое кружевное белье своего сознания.

Вика хихикнула. Эдик Граубергер уставился на нее через толстые стекла очков.

Очкариком Граубергера сделала травма, произошедшая с ним на первом курсе, – тогда он был уверен, что влюблен в Вику, и, чтобы доказать ей свою любовь, решил пройти по парапету смотровой площадки. Для смелости он выпил сто граммов водки, и алкоголь, мягко ударив в голову, сыграл с ним дурную шутку. Эдик свалился с парапета и катился по склону пятьдесят метров, пока не ударился головой о ствол дерева. От сотрясения мозга он полностью оправился, а вот зрение у него упало. Помимо стопроцентного зрения, тот страшный удар избавил Эдика от многих иллюзий, одной из которых была любовь.

Перехватив взгляд Граубергера, Вика кокетливо спроси-

ла:

– Эдик, а у тебя когда-нибудь была женщина?

– Ты имеешь в виду секс?

– Угу.

Эдик качнул кудрявой головой и невозмутимо ответил:

– Нет.

– Почему?

– У меня на это нет времени.

– Ну ты уникум! Сколько тебе – двадцать один?

– Девятнадцать, – ответил Эдик. – Я окончил школу в пятнадцать лет.

– Девятнадцать лет – и все еще девственник. Кому скажи – не поверят. Слушай, а может, ты импотент?

Граубергер вновь покачал головой:

– Нет.

– Чем докажешь?

Эдик прищурил глаза, поставил банку пива на парапет и принялся невозмутимо расстегивать ширинку.

– Ты что? – удивилась Вика.

– Хочу тебе доказать.

Вика наморщила нос:

– Дурак. Я же пошутила. Прекрати немедленно!

– Как скажешь, – пожал плечами Граубергер и застегнул ширинку.

Несколько секунд парни сидели молча. Первым прыснул Стас. Его поддержал Жиров. Эдик тоже залился смехом –

тонким, звенящим. Глядя на них, засмеялась и Вика.

– Ох, мальчишки, какие же вы кретины! – смеясь, приговаривала она.

Не смеялся только Виктор. Он отхлебнул пива, подождал, пока все успокоится, и спросил:

– Как вам Варламова?

– У нее абсолютно нет вкуса, – ответила Вика. – Даже не верится, что когда-то она была актрисой. Не понимаю, как можно довести себя до такого состояния?

– Видимо, были причины, – лениво проговорил Эдик Граубергер и отхлебнул пива.

– Интересно, сколько ей лет? – задумчиво проговорила Вика.

– Тридцать четыре, – ответил Бронников. – Я узнавал.

– Боже, какая старушка. А выглядит еще старше. Интересно, у нее есть бойфренд?

– Думаю, в последний раз она занималась сексом еще в прошлом веке, – заметил Стас Малевич.

Вика нахмурилась:

– Ты злой.

– Беру пример с тебя, – насмешливо парировал Стас.

Эдик Граубергер дернул себя пальцами за бородку и проговорил:

– Вы лучше скажите, какого черта мы все подались в театральный кружок? Он даже не легитимен. Вернется настоящий худрук и погонит нас всех в шею – вместе с Варламовой.

– Не прогонит, – усмехнулся, откинув со лба темную челку, Стас. – Варламова отобьется от него тростью.

– Эта может, – кивнул Бронников. – А палка у нее знатная. Набалдашник из настоящей слоновой кости. Вещь дорогая.

– Интересно, она так всю жизнь хромает или из-за какой-нибудь аварии? – продолжила размышлять Вика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.